

Евгений Малинин
Братство Конца
Серия «Братство Конца», книга 1

*Текст книги предоставлен правообладателем
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=121512
Малинин Е.Н. Братство Конца: Фантастический роман: АСТ; М.; 2002
ISBN 5-17-018853-6*

Аннотация

...И прогремел над лесом гром, и небо стало уже не голубым – оранжевым, и солнце, уже не золотое – зеленое! – упало за горизонт. Так начались приключения четверых молоденьких ребят, участвовавших в ролевой игре – и не сразу понявших, сколь короток Путь из мира нашего – в мир другой.

В мир, где «Гэндальф», «Фродо», «Троль Душегуб» и «Эльфийка Эльнорда» – уже не прозвища, но – имена. Имена воителей. В мир, живущий по закону «меча и магии». В мир, где королеву возможно обратить телом – в вампира, душою же – в призрака... В мир, где «погибшие души» вселяются Епископом-чернокнижником в искусственные тела безжалостных Рыцарей Храма...

В этом мире то, что четверо друзей считали игрой, станет – реальностью...

Содержание

Глава первая	4
Глава вторая	10
Глава третья	22
Глава четвертая	34
Глава пятая	51
Глава шестая	63
Конец ознакомительного фрагмента.	70

Евгений МАЛИНИН

БРАТСТВО КОНЦА

Глава первая

*Никогда не играйте всерьез,
играть всерьез могут только дети.
Если всерьез начинают играть взрослые,
Игра может неожиданно стать их Жизнью...*

Ну, знаете, всякое со мной случалось, но чтобы заблудиться в подмосковном лесу!.. Да не просто в лесу, а в том самом, который за последние пять лет исходил вдоль и поперек собственными ногами! Это, надо вам сказать, не каждому дано!

И ладно бы еще просто заблудился, а то в таком виде, что и не дай Бог на какого-нибудь аборигена нарваться...

Представляете, через подмосковные буераки продирается молодой еще парень, наряженный в длиннющий серый самоделочный плащ, на полы которого он поминутно наступал громадными черными сапогами. На голове у него высоченная, островерхая, широкополая шляпа, пошитая из старого, довольно потрепанного куска плюша ярко синего цвета. Вокруг горла у него обмотан длинный серебристый шарф, а к роже приклеена длинная, ниже пояса, белоснежная бородаща.

И вот это, с позволения сказать, чучело шагает через мало ухоженный подмосковный лес в неизвестном ему самому направлении. Шляпа, естественно, постоянно цепляется за су-чья деревья, и, удерживаемая широкой лентой, подвязанной под бородой, то сползает на самые глаза, то соскальзывает к затылку. Милый шарфик также норовит зацепиться за маломальски торчащий кустик и постоянно напоминает своему хозяину о незавидной кончине Айседоры Дункан. Роскошная борода, в свою очередь, тоже доставляет своему владельцу весьма мало удовольствия, но он боится оставить ее на каком-нибудь симпатичном кустике, потому что если его многочисленные друзья, рассыпанные по этому же самому лесу встретят его без бороды, они просто растерзают его на множество маленьких, неприметных кусочков.

И только мои здоровенные сапоги доставляли мне, вырядившемуся столь экзотическим образом, хоть какое-то удовлетворение. Правда, они были на три размера больше моего сорок третьего, зато абсолютно не промокали и позволяли мне совершенно безбоязненно форсировать достаточно заболоченные подмосковные джунгли.

Налиествовала у меня еще одна вещь, не слишком меня раздражавшая, а именно здоровенный, покрытый богатой резьбой посох, чрезвычайно удобный для проверки глубины встречавшихся ручейков и болотин.

В таком вот виде я уже больше четырех часов шастал по лесу между платформой «Столбовая» Курской железной дороги и населенным пунктом Кресты, расположившимся на федеральном шоссе номер три.

Дошло до того, что у меня начали появляться слуховые и зрительные галлюцинации! Именно галлюцинации! Как еще можно назвать явления, наблюдавшиеся мной в пути. Шагаю я это по летнему лесу, распугиваю птичек и зверушек, чирикающих и верещащих в чащах, слушаю ласковый шепот листвы, проклиная все на свете, и вдруг в совершенно чистом, прозрачно-голубом небе начинают вспыхивать яркие точки ослепительного белого света!словно тысяча невидимых ангелов слетелась со своими фотоаппаратами, чтобы запе-

чатлеть мои блуждания, а поскольку света им для этого было недостаточно, они всю начали хлопать вспышками.

С минуту я наблюдал это «небо в алмазах», а потом вспышки прекратились, зато с неба на землю обрушилась мертвая тишина. Я даже сделал пару глотательных движений и поскреб мизинцем в ухе, хотя был абсолютно уверен, что дело вовсе не во мне, а в окружающей природе. Скоро, правда, звуки вернулись на свое место, но я еще довольно долго размышлял, что со мной произошло – то ли я перегрелся, то ли все-таки промок, то ли мой элегантный шарфик на мгновение перекрыл мне воздух и у меня начались видения от кислородного голодания. В общем, моя одинокая прогулка здорово мне надоела!

А как хорошо все начиналось!

Именно сегодня сбылась моя мечта – ребята наконец согласились на то, чтобы в нашей ролевой игре я был Гэндальфом Серым. Именно ради этого я изготовил свой роскошный наряд и дополнил его белоснежной бородой и резной дубиной! Именно ради этого я уговорил своего давнего друга, профессионального актера, выпускника Щукинского училища, Пашу Торбина принять участие в нашей игре в качестве главного героя – маленького хоббита Фродо, пообещав ему за это бутылку настоящего французского коньяку! А что еще можно пообещать настоящему артисту?

И вот всего лишь четыре часа спустя после того, как наша большая, шумная, веселая компания вывалилась из вагона электрички, разбила лагерь в ближайшем лесочке и, переодевшись, рассыпалась по лесу в виде гномов, эльфов, хоббитов и прочих экзотических существ, я уже не надеялся отыскать этот проклятый лагерь или кого-нибудь из моих товарищей по Средиземью. Мне хотелось только одного – услышать перестук вагонов железной дороги, тарахтенье автомобильного мотора или, на худой конец, мычание коровы!

Именно в тот момент, когда я с ненавистью рассматривал здоровенную, корявую, раскидистую рябину, встреченную мной далеко уже не в первый раз, справа из недалеких кустов раздался до боли знакомый голос:

– Так вот ты где, маг недоделанный!

И к моей милой рябинке выкатился... хоббит Фродо.

Надо сказать, что Паша отнесся к своей новой, весьма непривычной роли очень профессионально. Получив у меня для ознакомления бессмертное творение божественного Толкина, он за какую-то неделю практически наизусть выучил «Братство Кольца», доказав в моем лице всем маловерам, что актерская память – вещь совершенно уникальная. Ну а когда он выполз из поставленной специально для него палатки в полном хоббитском облачении, толпившиеся вокруг эльфы и гномы просто выпали в осадок.

Мой гениальный друг был одет в ярко-желтую рубаху и темно-зеленые штаны. На голове у него красовался симпатичный паричок, очень похожий своей густотой и кучерявостью на прическу аборигена центральной Африки. А на ногах у него были надеты темные собачьи унты без калош, так что его ноги нельзя было отличить от настоящих хоббитских. Когда же он засмеялся густым утробным смехом, именно таким, каким смеются все хоббиты-Мохноноги после обеда, весь лагерь на секунду замер, а затем грянула оглушительная овация.

Как известно – актеру мало славы, актеру мало денег! Он хочет больше славы, он хочет больше денег! Но как ни крути, а главное для актера все-таки слава. Поэтому Пашино настроение после такого признания его гениальности взлетело на недостижимые вершины.

Однако спустя всего четыре часа на меня из кустов выполз на удивление рассвирепевший хоббит в разодранной рубахе и перемазанных штанах. «Таких-то злобных хоббитов и не бывает!» – изумленно подумал я. А это мифическое существо, явно нуждавшееся в объекте, на котором можно было сорвать все накопившееся за день блужданий зло, заметно пригундосивая, принялось вопить на весь лес.

– Эти твои гномы, эльфы, еноты и скунсы, они что, специально сговорились затащить бедного артиста в холод и мокротень?! Они что, не понимают, что у меня завтра спектакль, а в нем далеко не последняя роль?! Я что, отдался вам на посмеяние?! Четыре часа брожу я по этим чертовым болотам, и хоть бы одна из этих выдуманных тварей попалась бы мне на глаза! Ты, Гэндальф – Серая шкура! Ты обещал, что у меня будет целая рота сопровождения из гномов, эльфов и прочих придурков! Где твоя рота?! Где эти дребанные палатки? Мне срочно надо стащить с себя эти лохмотья и принять человеческий облик!.. Веди меня сейчас же в лагерь!

И тут до него дошло, что я слишком уж радостно его рассматриваю и совершенно не реагирую на его хамство, хотя по своей природе являюсь человеком очень вспыльчивым и быстро зверею. Что-что, а соображал Паша всегда очень быстро. Стоило ему лишь чуть-чуть отвлечься от своего горя, как он тут же уловил мое состояние и, резко сменив тон, поинтересовался:

– Ты что, тоже заблудился?

Я только кивнул и довольно глупо улыбнулся.

Хоббит озадаченно почесал голову, умудрившись при этом совершенно не потревожить свой паричок.

– А может, ты по этому... ну... по солнцу умеешь определяться? – осторожно осведомился переодетый продукт урбанизации.

Я добросовестно посмотрел в небо. Солнце точно наличествовало на бледно-голубом, нездорово-одутловатого оттенка небе. Полюбовавшись родным светилом с минуту, я вдруг ощутил смутное беспокойство, а затем у меня родилось соображение, которым я не замедлил поделиться с Пашей:

– А ты знаешь, мне кажется, что солнце стоит на одном месте практически с того самого времени, как мы рассредоточились для начала игры...

Урбанизированная личность с высшим актерским образованием высокомерно улыбнулась:

– Ты чего, Гэндальф, совсем в своей шляпе перегрелся? Или у тебя борода в мозги проросла? Как солнце может стоять на месте в течение четырех часов?!

– Ну, в истории человечества такие случаи имели место... – не преминул я блеснуть широтой кругозора. – Некий Иисус Навин уже раз останавливал солнце.

– Зачем? – растерянно поинтересовался хоббит.

– Он как раз вел свои войска в атаку и побоялся заблудиться в наступающих сумерках!

Беседуя таким образом, мы, уже на пару, брели надоедливо хлюпающей поляной, поросшей тонкими, корявыми березками. При этом я был твердо уверен, что уже пересекал это замечательное место не менее четырех раз. Паша тоже вертел своей шерстяной головой, явно узнавая окружающий пейзаж. И он не замедлил подтвердить мою догадку.

– Слушай, самозванец от магии, а ведь я эту полянку отлично помню. Именно здесь начали промокать мои ноги! А я оказался здесь сразу же, как только вышел из лагеря. Вон за той елочкой, на опушке, старый трухлявый пнище, и за ним надо свернуть налево. Маленький перелесочек, и мы в лагере! – И его мохнатые ноги бодро затопали в указанном направлении.

Однако, когда мы были уже почти у самой елки, из-под окружающей ее густой елочной поросли раздался звонкий девчачий голос:

– Вы кто такие, что осмеливаетесь вступить в пределы Дольна?!

Паша от неожиданности подпрыгнул на месте, звонко хлюпнув своими унтами, но быстро сориентировался и подал соответствующую реплику, снова блеснув знанием первоисточника:

– Великий маг Гэндальф Серый и сопровождающий его хоббит Фродо Сумникс направляются к великому Элронду Эльфиниту!

– Несчастные! – завопили в ответ из ельничка. – Вас по пятам преследуют Черные всадники Мордора!

Вот тут-то актер в Паше и сломался. Он снова подпрыгнул, на этот раз от едва сдерживаемой ярости, и заорал, совершенно выпав из образа:

– Какие, на хрен, всадники?! Нас по пятам преследуют грипп, ангина и бронхит, а следом ревматизм с артритом! – Задохнувшись, он с шумом втянул воздух и закончил мучительным воплем: – У меня ноги мокрые!!!

В ответ на этот крик души из ельничка вылетела кое-как обструганная и заостренная с одного конца ореховая веточка. Пролетев разделявшие нас три-четыре метра, она воткнулась перед самыми Пашкиными унтами в траву, а из ельничка снова донесся голосок:

– Мне все ясно! Вы самозванцы, задумавшие обманом пробраться в нашу цитадель. Но мимо меня не проскользнет ни одна мордорская тварь!

– Сама ты тварь мордорская! – завопил Фродо Сумникс. При этом физиономия у Паши побагровела, и я испугался, что его сейчас хватит удар. Он, как любой актер, был натурой трепетной и легко возбудимой, так что мне пора было вмешаться в развитие событий. Тем более что я наконец узнал голосок.

Приобняв своего друга за плечи, благо мой рост позволял это сделать без особого труда, я остановил готовые вырваться у него ругательства и обратился к зарослям елок:

– Машеус, кончай расходовать свои стрелы... Нам обоим сейчас в самом деле не до игры. Мы блуждаем по лесу уже больше четырех часов и не встретили никого из ребят. Если ты не проводишь нас в лагерь, мы действительно можем заболеть...

Между елочных веток показалась круглая симпатичная девичья мордашка в обрамлении длинных белокурых волос явно искусственного происхождения.

– Как это никого не встретили?!

Машенька Русакова, студентка третьего курса одного из институтов Академии управления, была очень любопытна и легко впадала в изумление. Но это были ее единственные недостатки, кроме, пожалуй, еще твердой уверенности, что она вылитый эльф. Правда, ее волосы для эльфа были чересчур темны, а личико слишком кругловато, но это ее не смущало – парик исправлял первое, а нахальное любопытство – второе. Паша, увидев симпатичную девушку, немедленно напустил на себя вид разочарованного жизнью гения, и я продолжил разговор в уже значительно более спокойной обстановке:

– Сами удивляемся... Ладно я остался в одиночестве, мне по роли положено, а как все наши эльфы и гномы оставили в одиночестве своего Фродо?!

Глаза у Машеньки переместились на меланхолическую физиономию Паши и округлились:

– Так вы – тот самый Павел Торбин?..

Ну вот! Машеус, как обычно, впадала в изумление. На этот раз при виде живого артиста!

– Да, милочка, я – тот самый Павел Торбин... – ворчливо, но вполне дружелюбно ответил Па-ша. – Но сейчас главное не это, а то, что ноги у меня промокли, и я могу потерять голос. А завтра вечером у меня, между прочим, премьера!

– Ой, что вы! – пискнула Машенька и выскочила из своей хвойной засады. Зеленые обтягивающие брючки и зеленая рубашка с широким отложным воротничком не только делали ее совершенно незаметной среди лесной зелени, но и прекрасно ей шли, оттеняя ее стройную высокую фигурку и тонкую белоснежную шейку. И сапожки на ней были легкие, удобные и, похоже, совершенно сухие. А кусок зеленой шелковой ткани, изображавший плащ, свисал весьма элегантными складками с ее узких плеч.

– Пойдемте, я вас провожу к палаткам! – затараторила она, впихивая самодельное подобие лука в самодельное подобие колчана, из которого торчало еще несколько заостренных ореховых прутиков. Забросив за спину то, что она называла настоящим эльфийским оружием, и поправив на поясе подделку под широкий охотничий нож, поименованный кинжалом Рокамор, она направилась в обход своей еловой засады по едва заметной тропке. Мы с облегчением двинулись за ней.

Паша, видимо, в предвкушении сухих ботинок и обеда, съехал с образа «меланхолического гения» в образ «своего в доску»:

– Слышь, подруга, а чой-то Серега тебя как-то странно называет?

– Это Машеус, что ли? – не оборачиваясь, отозвалась девушка. – Да меня все мои друзья так называют!

– А мне можно тебя так называть? – Паша похлопал бодрее, пытаясь догнать девушку. Даже гундосости в его голосе поубавилось.

– Ну что вы, как можно! – Машенька, похоже, слегка растерялась. – Такой... серьезный, солидный человек!.. Известный актер!.. Я же не могу так просто относиться к вам, как... Ну как к тому же Сережке! – И она кивнула в мою сторону. В ее словах явно прозвучало, что она считает Пашеньку слишком «взрослым», чтобы зачислить его в свои друзья. Опытный Паша сразу просек сомнения девушки.

– Да мы с Серегой старые кореша! А, как говорится, твой друг – мой друг! Ну не могу же я друга своего закадычного друга называть Мария... как там тебя по батюшке?

– Евгеньевна... – кокетливо подсказала Маша.

– Во! – неизвестно чему обрадовался Паша. – Евгеньевна!.. Это ж и не выговоришь сразу! А вот «Машеус» я смогу сказать в любом состоянии!

– Не хвастайся, – неожиданно для себя самого вступил я в разговор. – Помнишь, неделю назад в вашем же буфете, в театре, ты «мама» сказать не смог... Я бутылку... кефира... из-за этого поспорил...

– Ага! – тут же вскипел мой гениальный друг. – Ты вспомни! Утренний спектакль, репетиция, вечерний спектакль! Танька все нервы мне истрепала, это ж надо, дважды реплики забыть! Конечно, я к вечеру несколько сдал!

– Какая у вас насыщенная, интересная жизнь! – раздался впереди восторженный девичий голосок.

– Да уж! – не слишком уверенно подтвердил Паша. Он уже почти догнал двигавшуюся впереди легким бесшумным шагом Машеньку, но в этот момент она воскликнула:

– Вот мы и пришли!

И мы все трое вышли из кустов на обширную поляну.

Полянка действительно была очень похожа на лагерную. Вот только никаких палаток на ней не было. Более того, она имела настолько дикий, нетронутый вид, словно располагалась не в тридцати километрах от крупнейшего мегаполиса планеты, а где-то в нетронутых дебрях Сибири.

С минуту мы стояли, молча рассматривая чудный уголок дикой природы, а потом Машеус, словно обиженный ребенок, разочарованно протянула:

– А где же все?

Мы с Пашей ничего на этот вопрос не успели ответить, поскольку из густой и высокой травы, росшей в центре поляны, раздался спокойный басовитый голос:

– А никого больше нет...

Следом за этим над травой показалась широкоскулая, толстощекая заспанная физиономия Элика Абасова. Осмотрев нас из своего травяного укрытия и чуть-чуть подумав, он выпрямился во весь свой без малого двухметровый рост и предстал перед нами во всей красе.

«Да, – сразу подумал я, – ему тоже нельзя показываться ни в одной подмосковной деревне!»

Элик Абасов был единственным троллем в нашей компании. Огромный, добродушный, немногословный и надежный, как скала, татарин, по иронии судьбы занимавшийся регби, был по уши влюблен в одну нашу повернутую на Толкине эльфиечку со странным нерусским именем Изольда. Ради нее он был готов на что угодно, вот и стал страшным троллем по имени Душегуб. Я так думаю, что именно эта его любовь вырядила Элика таким образом. На бедняге не было ничего, кроме похожего на танковый комбинезон, коротким коричнево-рыжеватым мехом наружу. Этот комбинезон имел к тому же плотно обтягивавший голову капюшон. Так что наш огромный Душегуб сильно смахивал на рыжего гризли с добродушной, щекастой, голубоглазой физиономией. А когда он наклонился и вытащил из травы огромную дубину, оканчивавшуюся кое-как подровненным корневищем, Машеус тихо пискнула и осторожно переместилась за мою спину.

Тролль между тем, не обращая внимания на явный испуг эльфа, спокойно загудел дальше:

– Я сюда вернулся часа два назад... Надоело, что все меня пугаются, да и Золька сказала, чтобы я был здесь до обеда. Палатки стояли на месте, а ребят не было, все по лесу бродили. Ну я на солнышке и прилег. Просыпаюсь, а никого нет... и палаток нет... А тут и вы из лесу показались...

– Так ты что, даже не слышал, как ребята палатки сворачивали? – высунулась из-за моей спины Машеус.

Но тролль Душегуб ничего не успел ей ответить. Высоко вверх что-то неожиданно грохнуло, землю под нами потрянуло так, что мы едва устояли на ногах, небо стало бледно-оранжевым, а солнце внезапно позеленело и через секунду рухнуло вниз по небосклону за зазубренный оком лес.

Глава вторая

*Только глупец играет с оружием, спичками,
зажигалками, бензином, кислотой, бетонными плитами,
заклинаниями обеих магий и особенно со слабоалкогольными
напитками!*

И сразу наступил вечер. Причем вечер поздний. Поскольку новое зеленое солнце уже село, сумерки были достаточно густыми. К тому же сразу стало холоднее. Наша белокурая зелененькая эльфиечка даже задрожала, правда, я не понял, от холода или от испуга. Паша тоже завертел своей шерстяной головой достаточно растерянно, и только Элик-Душегуб никак не реагировал на изменение пейзажа – ему в его комбинезоне холодно не было.

Я тоже отнесся к этим неожиданным переменам в окружающей обстановке достаточно спокойно. Видимо, сказалось мое неумеренное увлечение фантастикой – зеленое солнце и оранжевые небеса уже давно были мне не в диковинку. Поэтому я, похлопав своих друзей по плечам, предложил им отдохнуть на травке рядом с троллем и, позаимствовав у Машеуса ее верный Рокамор, отправился к темневшим невдалеке зарослям. Судя по всему, нам предстояла ночь в лесу. Развести костер я не мог, никто из нас четверых не курил, а вот состряпать некое подобие шалашика я вполне был способен.

Славный ножичек с экзотическим именем безусловно являлся украшением девичьей талии, но вот в качестве собственно ножа явно оставлял желать лучшего. Тем не менее мне удалось с его помощью выломать пять подходящих жердин. Две раздвоенные на конце, две без роготок и одну подлиннее, ровненькую и толстенькую.

Вернувшись к расположившейся на травке троице, я увидел, что Пашенька, ругаясь вполголоса, пытается стянуть с себя свои замечательные, но совершенно мокрые унты, Душегуб с интересом наблюдает за его суетой, а Маша, стоя рядом с ранимой личностью на коленках, активно участвует в этом процессе, выдавая общие рекомендации.

Я бросил свои деревяшки на травку и вмешался в их деятельность.

– Паша, друг мой любезный, ты бы не трогал свою обувь...

Паша пропыхтел в ответ что-то не слишком разборчивое, зато Маша ответила вполне звонко:

– Тебе, Сергей, легко говорить! Ты сам-то вон в каких сапожищах! А Павлик совершенно промок! Ему просто необходимо скинуть свои унты!

Не обращая внимания на девчачьи глупости, я продолжил свою мысль:

– Я, друг Фродо, хорошо знаком с характером подобной обуви. Если ты сейчас, когда она мокрая, скинешь ее с ног, то завтра, когда она подсохнет, ты ее ни за что не наденешь. И придется тебе топтать босиком по лесным дорожкам. А это удовольствие не для нежной артистической натуры!

Пашины руки замерли на месте и он медленно поднял голову. На его лице явно читался вопрос: «Это подначка или серьезное предостережение?»

Я с самым серьезным видом покивал головой.

После этого Паша резкими движениями подтянул оба мохнатых голенища повыше.

– Тогда, может быть, тролль отдаст Павлику свою одежду. Надо же его согреть... – не унималась Машеус.

Душегуб неловко заерзал по травке в сторону от энергичной эльфиечки, а его круглая физиономия неожиданно побагровела.

– Тебе что, жалко свой балахон?! – Машеус сурово свела брови и, пристукнув сапожком по траве, потребовала: – А ну, давай скидывай!

Душегуб застыл на месте. В его глазах заметалась растерянность, и через секунду он придушенно выдал:

– Так... это... на мне ведь... больше ничего нет.

Теперь уже побагровела девчонка.

– Сейчас мы его согреем, – отвлек я всю компанию от напряженного молчания. – Давай вставай! Поможешь мне установить такой небольшой каркасик, и сразу согреешься. А кроме того, и ночевать ты будешь в уютном шалаше...

– В настоящем шалаше! – Машеус опять была готова впасть в восторженное состояние, поэтому я немедленно принял меры по ее охлаждению:

– В настоящем шалаше будут ночевать только промокшие и оззябшие артисты... Мы не можем позволить себе загубить несравненный талант моего друга!

Паша немедленно оказался на ногах.

– Я не могу позволить юной девушке ночевать под открытым небом в диком лесу!

– Не гундось, – оборвал я его, – лучше поддержи палочку, пока я буду забивать ее в землю.

Я установил одну из жердей раздвоенным концом вверх. Паша опустил рядом на одно колено и двумя пальчиками ухватился за ствол.

– Держи! – приказал я, а сам, ухватившись за тонкий конец прямой лесины, широко размахнулся.

И мой шикарный замах пропал даром. Паша, не дожидаясь моего богатырского удара, бросил порученное ему дерево и одним прыжком отскочил шага на четыре от меня. Я в свою очередь уронил свой импровизированный молот и возмутился:

– Ну что за шуточки!

– Вот именно, шуточки! – донеслось в ответ из сгущающихся сумерек. – Если ты с таким замахом промажешь по палочке и попадешь мне по руке, плакала моя премьера! А если не по руке, а по голове!..

Над поляной повисло задумчивое молчание. Да, похоже, я попал в компанию чрезвычайно впечатлительных людей...

В этот момент здоровенная ручища подняла брошенный Пашей дрын и с размаху воткнула его в дерн под нужным для установки углом.

– Давай, забивай... – раздалось негромкое басовитое предложение.

Прежде чем приступить к обязанностям молотобойца, я протянул Рокамор Машеусу:

– Настрогай сколько сможешь лапника и тащи сюда.

Она молча взяла свою пародию на нож и направилась к недалекой опушке.

– Машеус, давай я сам наломаю лапника... – немедленно донесся Пашин гундосый голос, и следом за девушкой, слегка похлопывая обувкой, двинулась темная фигура.

На пару с Душегубом дело пошло как по маслу, к тому же, как оказалось, земля под травяным покровом была достаточно мягкой. Так что уже через несколько минут обе рога-тины были основательно вбиты в поляну под нужным углом, к ним были приколочены прямые жерди, а сверху на несущие конструкции была аккуратно уложена и сама забивальная дубина. Каркас был готов, осталось накрыть его ветками. Мы любовались своим архитектурным детищем, когда из лесу была доставлена первая партия кровельного материала, который я принялся укладывать на предназначенное для него место.

Моим друзьям понадобилось еще две ходки, чтобы веток хватило для крыши, но в результате мы получили достаточно вместительное временное жилище.

А затем я скинул свои сапожищи и протянул их Паше. Когда тот взял их и принялся удивленно разглядывать, я пояснил:

– Если ты думаешь, что я предлагаю тебе их вычистить, то ты ошибаешься. Давай-ка натягивай мою обувь прямо на свои мохнатые ножки. Мои ботфорты вполне сухие и теплые, так что к утру твои унты тоже просохнут.

Паша скорчил сомневающуюся физиономию – как, однако, богата актерская мимика, но сапоги все-таки натянул. И его тридцать девятого размера унты вполне разместились в этих обувных монстрах.

– Ну а теперь, – скомандовал я, – полезай в шалаш и постарайся уснуть. А то завтра к вечеру ты будешь совершенно разбит и не сможешь играть премьеру.

– А ужинать мы разве не будем? – живо поинтересовалась Машеус.

– А у тебя есть что съесть?! – Мы втроем заинтересованно повернулись в ее сторону.

Она потупилась, и мы осознали, что задали девочке неприличный вопрос. Она явно рассчитывала на наши запасы.

Паша, поняв, что ужина не предвидится, пополз на карачках в шалаш и, побряхтев и повертевшись там некоторое время, затих. А скоро из-за темной, пахнущей хвоей стенки послышалось довольно шумное сопение. Душегуб улегся там, где стоял, и затих, напоминая своими очертаниями валун, оставленный отступающим оледенением.

Я сбросил свой роскошный чародейский плащ, шарф, шляпу и, оставшись в одном старом тренировочном костюме, улегся на спину и уставился в потемневшее почти до черноты и все-таки оставшееся несколько коричневатым небо. Звезды на нем располагались как-то непривычно, и их желтоватый цвет был неприятен.

– Сереж, а ты как думаешь, что мы такое видели? – раздался рядом со мной несколько неуверенный вопрос Машеньки.

Я помолчал, еще раз вспоминая странное поведение солнца и небес, а потом повернул голову в ее сторону. Сидящая рядом со мной на траве тоненькая фигурка ясно вырисовывалась на фоне звездного неба и к тому же ее окружал какой-то странный, слабо светящийся ореол. Машеус не смотрела на меня, уставившись в небо и словно забыв о своем вопросе. Но я ответил:

– Мне, конечно, вряд ли удастся точно ответить на твой вопрос, но вполне возможно, что в мире произошло что-то такое, о чем мы еще не знаем. Во всяком случае, можно предположить, что ребята что-то услышали по радиоприемнику, помнишь, Славка слушал в электричке. После этого сообщения тот, кто его услышал, собрал кого смог и они срочно уехали назад в Москву. А мы остались здесь одни, просто потому, что нас не смогли быстро найти.

Мы немного помолчали, а затем Маша, не поворачивая головы, прошептала:

– Ты думаешь, это... война...

Я проглотил неожиданный комок и хриповато ответил:

– Не знаю... Вряд ли... Скорее какой-нибудь эксперимент.

– Эксперимент рядом с Москвой? – недоверчиво переспросила Машенька.

– А может быть, и в самой Москве, – спокойно, как мне показалось, ответил я.

Машеус тихонько улеглась в траву и, поджав к себе коленки, затихла. Я немного подождал, а потом встал и прикрыл ее худенькое тело своим длинным плащом. Через несколько минут ее тихое посапывание показало мне, что девушка заснула.

Сам я еще очень долго рассматривал желтые звезды в темно-коричневом небе, поражаясь окружавшей меня гробовой тишине.

Спал в эту ночь я очень мало, хотя считаю себя большим соней, и проснулся задолго до восхода солнца. Небо только-только начинало светлеть, переходя от темно-коричневого, почти черного, цвета к светлому, охряному. Легкие, редкие облачка чуть темнее неба стояли неподвижно, словно лужицы пролитой краски. Постепенно края облаков, подсвечиваемые поднимающимся солнцем, начали искриться ярко-оранжевым, и, наконец, небо преврати-

лось в светлый желтоватый купол, облака – в яркие оранжевые кляксы, а над зазубренным оком лесом показался край изумрудно-зеленого солнца.

– Значит, это был не сон?! – раздалось из-под моего плаща, и на свет показалась заспанная рожица Машеуса. Тут же послышалось тяжелое кряхтение, и из шалаша выползло странное существо с темной шерстяной головой, наряженное в желто-зеленые живописные лохмотья и огромные сапоги. Когда это чучело распрямилось, мы с Машеусом увидели, что оно имеет поразительно красные глаза, странным образом гармонизировавшие с ярко-красным носом. Судя по внешнему виду, наш гениальный Фродо подхватил нешуточную простуду. Этот диагноз подтвердила и первая сказанная им фраза:

– Добное утно, донохие мои, – радостно произнес оборванный хоббит и, услышав собственный голос, испуганно схватился за свое горло.

– Да нет, не бонит... – растерянно произнес он, и глаза у него стали не только красные, но еще и испуганные.

Машеус вскочила на ноги и быстро подошла к Паше.

– Ну-ка, покажи свое горло, – сурово потребовала она, и Паша послушно распахнул пасть. Внимательно всмотревшись в Пашину глотку, Машенька радостно констатировала: – Горло в порядке, так, небольшое покраснение. А вот насморк превышает все допустимые пределы!

Похоже, именно в этот момент Паша окончательно проснулся. Он обвел обалделым взором окружающую действительность и почти точно повторил фразу Машеуса:

– Так, сначит, это мне не пниснилось?

– Как твои ноги? – поинтересовался я, пытаюсь отвлечь его от желтого неба и зеленого солнца.

– Чехо? – не сразу врубился в мой вопрос Пашенька.

– Ноги твои как? – повторил я для непонятливых.

Паша опустил свои красные глазки и уставился на огромные сапоги. Через минуту тягостных размышлений он поднял глаза на меня и спокойно заявил:

– Нонманьно...

– Тогда снимай сапоги! – тут же потребовал я.

Теперь Паша непонимающе уставился на меня.

– Чего уставился! – тут же окрысился я. – Думаешь, я отправлюсь в путь в одних портянках на босые ноги, а тебе позволю топтать в сапогах на унты!

Тут наконец до хоббита дошла справедливость моих требований. Он опустился на травку и стащил со своих мохнатых ножек мои ботфорты.

Лежавший в стороне тролль поднял свою здоровенную башку и, не открывая глаз, поинтересовался:

– Что, уже уходите?

– И ты тоже уходишь... – бросил я, присаживаясь на травку и принимаясь обуваться. Душегуб сел и открыл глаза:

– А куда?

– Туда, куда ведет нас жанкий жнебий мой! – неожиданно заявил Паша, задумчиво взлохмачивая собственные голени. Машеус молча и с каким-то скрытым состраданием рассматривала нас.

Наконец я был готов к походу. Нахлобучив свою островерхую шляпу на голову и потопав каблуками сапог в короткую травку полянки, я взял в руки свою резную дубину и бодро произнес:

– Ну что ж, друзья, пойдемте искать человечество!

И мы пошли.

Зеленое солнце припекало ничуть не хуже привычного оранжевого, а болотистые полянки словно по волшебству из леса исчезли. Под нашими ногами шуршал сухой коричневый песочек, густо присыпанный обычной сухой сосновой хвоей. Да и вообще, за эту ночь лес здорово изменился. Он словно подрос и раздался вширь, деревья вытянулись вверх и расступились, подлесок почти совсем пропал, никаких рябинок, ольхушек и бузины не было и в помине. Даже елки – основная составляющая подмосковных хвойных лесочков – исчезли. Их место заняли медово-желтые, ровными столбами уходящие вверх сосны. По такому лесу путешествовать было одно удовольствие.

Возможно, именно из-за того, что лес стал светлым и чистым, мы очень скоро наткнулись на некое подобие дороги. Конечно, дорогой в прямом смысле этого слова нашу находку назвать было нельзя, однако две явные, хотя и неглубокие, колеи, петляющие между соснами, обозначали, что кто-то здесь постоянно пользуется гужевым транспортом.

Тележные колеса это вам не танковые траки, по их следам не определишь, в какую сторону проехали люди, поэтому мы повернули следом за колеей, в ту сторону... в которую повернул я. Как-то так оказалось, что я шагал в середине нашей маленькой группы, как будто мои друзья молчаливо признали во мне лидера и ожидали моих решений, чтобы им следовать. Даже гениальный Паша этим утром больше помалкивал, вертя по сторонам своей шерстяной головой. Впрочем, я допускаю, что его молчание было вызвано только тем, что говорил он крайне неразборчиво и очень стеснялся этого обстоятельства.

По этой лесной дороге мы прошагали что-то около часа, а затем, совершенно неожиданно, лес кончился, и мы вышли на опушку, за которой начиналось совершенно необъятное поле, засеянное тем, что наши средства массовой информации называют «хлебами». Была ли это рожь, пшеница или, допустим там, ячмень с овсом, я сказать не могу, но это необъятное, простирающееся до самого горизонта поле с перекатывающимися по нему золотисто-желтыми волнами действительно напоминало бескрайнее море. Это впечатление бескрайности усиливалось еще и тем, что линии горизонта не было. Желтое поле незаметно переходило в желтое небо.

Дорога, ставшая к тому времени хорошо укатанным большаком, сворачивала влево и катилась дальше между сосновым лесом и бескрайним полем.

Мы постояли немного, любуясь пейзажем. Потом Машеус тихонько прошептала про себя:

– Я и не думала, что на свете есть такая красота... – а Паша-хоббит, также про себя, поддакнул:

– Да-а-а, кнасота!

Я ничего не сказал, а повернулся и потопал по дороге дальше. Позади меня послышалось два вдоха, а затем ребята снова пристроились сбоку.

Мы прошли еще тройку километров, и лесная опушка плавно отвернула влево, открывая большой, ровный, недавно скошенный луг, за которым виднелись обширные огороды. А за этими зелеными посадками, почти скрытые рельефом местности, виднелись... крыши. Самые настоящие соломенные крыши какой-то небольшой деревеньки!

Конечно же, мы не сговариваясь ломанули прямо через покос к огородам. Добравшись до изгороди, сварганенной из плохо ошкуренных жердей, мы сразу увидели оставленную калитку и тропочку, убегаящую между грядок вниз, к серебрящейся между густыми кустами реке и притулившейся на ее берегу деревеньке.

По тропочке мы мало что не бежали, очень уж кушать хотелось. Паша на ходу пересчитывал монетки в кармане своих драных штанишек, а я гадал, как они там оказались. Машеус что-то бодро бормотала про корочку хлебушка и глоток родниковой водички, видимо, входила в жалостливую роль попрошайки.

Тропка вывела нас прямо к околице деревеньки, и тут мы остановились как вкопанные.

На неширокой и недлинной деревенской улице, составленной десятком низеньких хатенок с пухлыми соломенными крышами и маленькими тускловатыми окошками, стояло десятка два-три селян. Нет-нет, я не оговорился и употребил термин «селяне» отнюдь не для красного словца. Это действительно были самые настоящие селяне. Женщины в длинных, свободных юбках и легких светлых кофтах, с волосами, убранными под разноцветные платки, составляли большинство собравшихся. Стояло и несколько мужиков в темных широких штанах, заправленных в онучи, темных же рубахах и, несмотря на теплое время года, в меховых безрукавках. Были среди них и несколько молодых парней, а вот девушек видно не было.

Все это население окружало пятерых всадников, один из которых что-то негромко, но зло втолковывал обступившим его людям, а четверо остальных оглядывали толпу внимательными взглядами.

Не успели мы рассмотреть открывшуюся перед нами картину, как всадники тоже нас заметили. Один из них резко дернул повод и, объехав угрюмо молчавшую толпу, направился к нам неспешной рысью.

Я продолжал рассматривать местных жителей, не понимая, откуда в Подмосковье могли взяться такие колоритные аборигены, и тут подала голос Машеус:

– Вот это костюмчики!!! Вот это оснащение!!! Интересно, кто же это организовал такую ролевочку?! Это ж сколько денег надо иметь, чтобы и избы поставить, и лошадей нанять, и такие костюмы пошить?!

Она снова была изумлена и, как всегда, не скрывала этого. Причем в данном случае к изумлению явно примешивалась изрядная доля зависти. Именно поэтому свое восклицание она закончила горестным:

– Я по сравнению с ними чувствую себя нищенкой!!!

При этом она быстренько стянула с плеча самодельный колчан и спрятала его за спину, а свой верный красавец Рокамор, наоборот, передвинула на середину живота.

Паша, не отрывая глаз от приближающегося всадника, облизнул пересохшие губы и почему-то шепотом переспросил:

– Так ты увенена, что это тоше ноневая игна?

– Конечно! – без тени сомнения воскликнула Машенька. – Вон тот князек, который речь селянам толкает, наверняка какой-нибудь новый русский! Он небось все это действо и оплатил!

Мы с Душегубом молчали, хотя я был далеко не уверен в правоте нашего восторженного Машеуса, да и тролль, судя по его настороженному взгляду, не разделял святую веру девушки-эльфа во всеобщую тягу к ролевым играм.

Всадник между тем приблизился к нашей четверке и, остановив лошадь, принялся нас разглядывать. Мы, в свою очередь, любовались здоровенным мышастым жеребцом под высоким кавалерийским седлом, вся упряжь которого была отделана медными бляхами. На жеребце восседал мужик лет сорока с небольшим, одетый в полосатые широкие штаны, заправленные в высокие сапоги, кольчугу и простой шлем. На поясе у всадника висел длинный меч, а на левом запястье угрожающего вида плетка. С минуту длился этот обмен изучающими взглядами, а потом последовал вопрос на чистом русском языке с владимирско-нижегородским «приокиванием»:

– Кто токие? Откудова идем и куда напровляемся?

В отличие от нас с Душегубом Паша, видимо, счел версию Машеуса вполне достоверной и, не без оснований считая себя одним из главных героев нашей игры, сделал шаг вперед и гордо заявил:

– Мы Бнатство Коньца! Денжим путь из Шина в Доньн!

Мы-то прекрасно понимали, что Пашенька находится в образе хоббита и говорит про Братство Кольца, которое держит путь из Шира в Долън. Но на окольчуженного мужика его выговор произвел совершенно потрясающее впечатление. Выпучив враз обесмыслевшие глаза, он откинулся в седле, словно в лоб ему заехали булавой, отчего его жеребец сделал два произвольных шага назад. Вдобавок к этому его левая рука быстро начертала перед телом всадника знак, весьма напоминающий латинское Z, словно отгораживая его от нашей компании.

В этот момент раздался едкий голосок Машеуса:

– Фродо! Перестань пугать человека! Мы – Братство, а не... то, что ты сказал!

– Я и говоню – Бнатство! – повернулся наш без пяти минут заслуженный артист в сторону эльфийки.

В круглых пусто-голубых глазах витязя мелькнуло некое понимание. Он мгновенно развернул жеребца и тяжелым галопом помчался назад, к поджидавшим его товарищам.

– Пойдем поближе... – задумчиво предложил я, и мы медленно двинулись следом. При чем так получилось, что Фродо и Машеус оказались за нашими с Душегубом спинами.

Пообщавшийся с нами всадник подскакал к выпрямившемуся в седле новому русскому князьку и начал что-то горячо ему докладывать. Тот сначала внимательно слушал, а затем, раздраженно махнув рукой, оборвал говорившего и в свою очередь направился в нашу сторону. Наш знакомец последовал за ним, приотстав на полкорпуса лошади. Мы остановились, поджидая всадников, и я обратил внимание на то, что селяне все как один смотрят в нашу сторону, и на большинстве лиц написано явное облегчение.

Не успели они, подъехав поближе, остановиться, как окольчуженный ткнул пальцем в нашу компанию и, сдерживая голос, заговорил, окая еще сильнее:

– Вся компания, господин, называет себя Братство Конца, а вон тот, с шерстяной головой и мохнатыми ногами, сразу начал колдовать! Да такие слова непонятные плел, аж жуть берет! И главное, все демонов поминает!.. Да все по именам!

– Что, прямо так вот вслух и называет? – поинтересовался князек, не отводя от нас сурового взгляда.

– Да, господин! Так и чешет! Шин, говорит, и Донън...

Договорить он не успел, поскольку князек извернулся в седле и гаркнул:

– Цыц!!!

Воин тут же заткнулся, а князь снова повернулся в нашу сторону и сурово поинтересовался:

– Кто у вас старший?

И тут стоявший рядом со мной тролль молча ткнул пальцем в мою сторону.

Князь, или не знаю уж кто он там был по рангу, внимательно оглядел меня и неожиданно почтительно спросил:

– Ты, уважаемый Конец, должно быть, сильный чародей?

«Вот так прозванка!» – ахнул я про себя, но не подал виду, насколько изумлен, а, повернувшись, сурово посмотрел на довольно ухмыляющуюся Пашину физиономию.

Потом, снова взглянув на князя и быстро взвесив ситуацию, я спокойно ответил:

– Да, я действительно довольно сильный маг по прозванию Гэндальф Серый. Мы с моими спутниками держим дальний путь и очень надеялись немного отдохнуть и перекусить в твоём селе.

– Так у тебя целых три имени! – изумленно ахнул князь и, еще раз оглядев нашу компанию настороженным взглядом, спросил: – А может быть, твои спутники тоже представляются?

Машеус тут же выскользнула вперед и звонким голосом гордо выпалила:

– Я – сумеречный эльф по имени Эльнорда! А это... – она указала на Пашу и, не давая ему ответить самому, торопливо продолжила, – хоббит Фродо Сумникс из рода Мохноногов.

Князь перевел взгляд на нашего тролля и, не дождавшись от него информации, заискивающе поинтересовался:

– А тебя, уважаемый, как зовут?

Элик бросил на вопрошавшего хмурый взгляд и неожиданно угрюмо ответил:

– Меня-то... Душегуб! А что?!

Лошадь под князем попятилась, а он сам слегка побледнел и поспешно пробормотал:

– Нет, нет... Ничего...

Машенька, или теперь уже – Эльнорда, поспешила сгладить суровый ответ Элика:

– Он, знаете ли, тролль! Натура прямая и грубая... – И тут же она постаралась перевести разговор на другое: – А как нам называть нашего гостеприимного хозяина?

Гостеприимный хозяин судорожно перевел дух и, улыбнувшись приветливой девушке, представился:

– Меня зовут Мал двенадцатый, я управляю здешним имением нашего государя, Великого Качея...

Эльнорда первой просекла сказочность названного имени и, тихонько ойкнув, снова оказалась у меня за спиной. Зато Душегуб совершенно не был смущен:

– Мал – имя хорошее. – Он попытался улыбнуться, но его оскал еще больше напугал лошадь управляющего. – Так что там насчет закусить?..

И здоровенный тролль выжидательно уставился на всадника.

– О, конечно, – торопливо ответил тот. – Вот, Портятя вас проводит и накормит, – он кивнул на своего спутника, – а я вынужден вас ненадолго покинуть... Дела!

И Мал, кривовато улыбнувшись, пнул свою лошадь каблуками под брюхо.

Оставшийся возле нас всадник долго смотрел вслед удалявшемуся галопом начальству. Когда управляющий, не останавливаясь возле толпы поселян, проследовал дальше вместе с остальными конниками, пристроившимися к нему прямо на ходу, Портятя повернулся к нам и, оглядев нашу компанию каким-то жалостливым взглядом, пробормотал:

– Ну пойдем, серые и сумеречные, накормлю я вас...

Он тронул своего жеребца, и мы двинулись в сторону деревеньки, к по-прежнему стоявшим толпой поселянам.

Портятя привел нас в небольшой сад, разбитый позади одной из хаток в центре деревеньки, и усадил за довольно большой садовый стол, врытый под старой яблоней. Большая часть местного населения, почему-то не желая расходиться, последовала за нами, но в сад не зашла. Вместо этого они рассыпались вдоль классического плетня, отгораживавшего сад от дороги и соседней усадьбы, и продолжали с неким болезненным интересом нас разглядывать. При этом они оживленно переговаривались, вот только слышно ничего не было, плетень располагался далековато от нашего стола.

Трое опрятно одетых женщин вынесли из хатки и поставили на стол два больших, накрытых крышками горшка и несколько разного размера кринок. Четыре пустых мисочки и четыре большие глиняные кружки они поставили перед нами, а рядом положили деревянные ложки. В центре стола разместили большое блюдо с уже нарезанным темным хлебом, явно самодельной выпечки.

Затем одна из женщин сняла с горшка крышку, и мы увидели, что в ней находится заготовка для окрошки. Аккуратно разложив нарезанные ингредиенты по нашим мискам, хозяйка плеснула в каждую миску янтарно-желтого кваса и сняла крышку со второго горшка, в котором оказалась круглая вареная картошка. После этого она молча поклонилась нам, словно приглашая откусить, и отошла в сторону.

Душегуб тут же запустил лапу в горшок с картошкой и, выудив самую большую, принялся ее жевать, захлебывая окрошкой. Через секунду мы все последовали его примеру, каж-

дый в меру своего культурного уровня. Тот же Душегуб первым обнаружил в одной из кринок пиво, что очень обрадовало Фродо.

Эльнорда тоже попробовала сей демократичный напиток и живо повеселела. И вообще, еда оказала на моих спутников самое благотворное влияние. Душегуб и эльфийка затеяли какой-то спор, а Фродо, вылакав пару кружек пива, наклонился в мою сторону и со своей блудливой ухмылкой прошептал:

– Неужели в этой игне нет ни отной мано-маньски симпатичной тевушки?!

– А что, Машеус тебе уже разонравилась? – ехидным шепотом поинтересовался я.

Фродо скорчил оскорбленную физиономию:

– Тнуг моего тнуга непникосновенен! И потом она же сотнит на меня, как на станца! И все из-за твоей боноты! – неожиданно закончил он.

Я не успел выяснить, при чем здесь моя борода, как Фродо непоследовательно перевел разговор:

– Снушай, интенесно, о чем все эти липовые посеняне бесетуют?.. – Но заметив, что Душегуб вытряхивает из кринки в свою кружку последние капли пива, отвлекся от беседы, занявшись исследованием остальной посуды, стоящей на столе.

Я посмотрел в сторону участников этой своеобразной игры, построенной, как видно, на русских народных сказках. Раньше я о таких играх и не слыхивал.

Народ у плетня собрался в основном среднего возраста, а такой народ в игры, даже ролевые, как правило, уже не играет. Другие игры у этого народа! И народ этот действительно оживленно переговаривался, но услышать я ничего не мог – было далековато.

Вернувшись к картошке с квасом, поскольку пиво не любил и никогда не пил, я склонился над своей миской и, с огорчением щелкнув пальцами, подумал: «Да! Хорошо бы услышать, о чем они там калякают». И тут же чуть не подавился картошкой. У меня в голове зазвучали голоса!

– ...жаль их, конечно, только свое-то жалчее...

– Чего там жаль! Очень вовремя они появились! Видели небось, как Мал-то в замок припустил!

– Нет! Ладно там дед этот бородатый, что ж, пожил все-таки. Или эти двое – мохноногий да здоровенный, шерстнатый... Эти небось и вовсе-то не люди. Не бывает на людях таких-то шкурок. Так что этих-то троих пусть забирают. А вот девчонку жалко! И не жила еще – что ей, годков шешнаццать, поди, не больше! А ее в замок потащат!.. Девчонку жалко!

– Так она ж сама сказала, что сумеречная! Что ж ее жалеть!

– Дурачина! Сумеречная – не темная еще, исправиться может!

– Как же, исправится! Слышал, что Портятя-то Малу докладывал? Этот мохноногий прям вслух демонов по именам рек! А девка-то твоя зеленая как ни в чем не бывало поправляла его! Чтоб, значит, худые имена правильно произносил!

– Нет! Жалко девчонку! Можно, думаю, ее еще на путь истинный наставить!

– Да ты, Сурмина, любую девку готов на путь истинный наставить!.. Только после этого она пути перед собой не видит!

– Это почему?

– Да из-за живота! Живот великоват делается!

Прокатившийся хохот перекрыл тонкий женский голос:

– Что ж теперь с ними будет?

– Что будет, что будет? Известно что... Вот Мал вернется...

Именно в этот момент кто-то толкнул меня в плечо и, спугнув интересные голоса, заорал в самое ухо:

– А ты чего, Гэнтаньф, пивом бнезгуешь! Или заснун? Пиво хо-о-о-ношее!!!

Оказывается, я, прислушиваясь к звучащим у меня в голове голосам, закрыл глаза. А когда я их открыл, то прямо перед собой узрел покрасневшую хоббитскую рожу, которая улыбалась довольной, пьяной улыбкой. Увидев, что я не сплю, Фродо повернулся в сторону остальных пирующих, чтобы сообщить им эту радостную новость, но им было не до пьяного хоббита.

Эльнора, подперев кулачком подбородок и пьяно пригорюнившись, слушала горестную историю огромного тролля. А Душегуб, грозно посверкивая глазами и пристукивая кружкой по столу, от чего пиво обильно смачивало столешницу, гудел, почти не сдерживая свой бас:

– Я ей честно предложил – выходи за меня, а она играет чувствами! Какой из тебя муж, говорит, получится, не знаю, а тролль что надо будет. Ладно, говорю, пусть я хоть троллем тебе по сердцу буду! Пусть!!! И эту шкуру согласился напялить! И как... как тролль по лесу полдня бегал!!! А она!!! Шмыг, и укатила... А меня оставила! Одного!

– Нет, любит она тебя, – невпопад заговорила эльфиечка, – я точно знаю, любит! Ведь ты посмотри, какую шкуру она достала! Расстаралась! Это ж сплошное загляденье получилось, а не тролль!!!

– Нет, она мной играет!!! – категорически пристукнул Душегуб кружкой по столу. Такой категоричности кружка не выдержала, и в могучей лапе тролля осталась одна ручка. Душегуб несколько секунд удивленно ее разглядывал, потом перевел налившиеся кровью глаза на глиняные черепки, живописно разбросанные в пивной луже на столешнице, и обиженно заявил:

– Вот! И кружку мне самую дохлую подсунули! У всех кружки целые, а мне с трещиной дали!

– Бени моню! – тут же предложил Фродо, – я пням из книночки могу!

– И я из кринки могу! – упрямо отверг Душегуб широкий хоббитский жест.

– Эх, – мотнула головой Эльнора, – и я могу из кринки!

Тут суровый взгляд покрасневших троллевских глаз наткнулся на меня. Довольно долго Душегуб соображал, кого это он перед собой зрит, а когда сообразил, ухмыльнулся и ткнул в мою сторону здоровенным, довольно грязным пальцем и проворчал:

– А вот Серый не может! Слабо ему из кринки!

Его мелкие собутельники разом повернулись в мою сторону и оценивающе уставились на меня.

– Нет! – первой подала голос Машеус. – Серый из кринки не потянет! Он вообще на пиво слабый, а из кринки – тем более!

Фродо соображал гораздо дольше, но потом не согласился с предыдущими ораторами:

– Ха! Это ж Гэнтанф! Это ж маг в законе! Та он и тве книнки без отрыва от кассы вытянет! А потом еще воточкой запонинует! Да он у нас в буфете на спон коньяк кефином запиван и ничего! Женуток – нуженый! А вы – книнка!!!

– Кто?! – повернулся Душегуб к Фродо.

– Кто – кто? – не понял тот.

– Кто кефир сметаной заедал?!

– Вот он! – ткнул Фродо в меня пальцем.

Душегуб тупо уставился на меня, а потом наклонился поближе ко мне и интимным шепотом поинтересовался:

– Кисломолочные продукты уважаешь?

– И я могу сметану с квасом! – неожиданно грохнула кружкой по столу Эльнора.

И в этот момент позади меня раздался задумчивый голос Портяты:

– Пожалуй, нашим гостям отдых требуется... Пойдемте, я вас на сеновал отведу. А вечером, по холодку дальше двинете...

– И что? Там настоящее сено?! – привычно изумилась Машеус и попыталась сфокусировать свои серовато-голубые глазищи на Портяте.

– Самое настоящее, – неожиданно улыбнулся тот, и его лицо сразу стало мягким и добрым. Но, похоже, это добрейшее лицо не очень понравилось Душегубу, поскольку тот, опершись мохнатыми кулачищами на стол, поднялся на ноги, сурово сдвинул брови и с явной угрозой поинтересовался:

– Это кого на сено?! Это меня на сено?! Я вам не коров какой-нибудь, чтобы сухую траву жевать!!!

– Вот именно! – тут же поддержал его Фродо. – Мы вам не жвачные паннокопытные! Мы вам Бнатство Коньца!

Но тут боевой запал нашего малыша-хоббита внезапно иссяк, и он вполне миролюбиво закончил:

– Так что давай, поселянин, тащи еще пива.

– А пиво кончилось, – спокойно ответил Портятя. – Мы привезем еще бочонок, а вы пока что отдохнете.

– На настоящем сеновале... – мечтательно добавила Эльнорда.

Фродо посмотрел на набычившегося тролля и задумчиво спросил:

– Ну что, Тушегубушка, отдохнем, пока они еще пива пнивезут?

Красные троллевы глаза съехали вбок, и тролль ненадолго задумался, а потом, тряхнув мохнатой головой, согласился:

– Отдохнем, – и тут же сурово продолжил, глядя на Портятю: – Но как только пиво будет здесь, нас сразу разбудить!

Портятя кивнул и с некоторой опаской взглянул на меня. Он, вероятно, видел, что я их пиво не употреблял, а потому могу соображать вполне нормально. Однако и у меня не было возражений против небольшого отдыха. Я собирался понаблюдать за участниками этой экзотической игры и дожждаться, когда она закончится и ее участники соберутся в Москву. Вот тогда и мы сможем спокойно сбросить свои «костюмчики» и попросить ребят о помощи.

Поэтому я согласно кивнул и поднялся из-за стола.

Нас проводили в дальний конец сада, почти к самому берегу речки. Там стояла аккуратная небольшая банька, развернутая дверью к реке, а рядом с ней притулилось довольно странное сооружение. Четыре столба из толстых цельных бревен высотой метров в шесть, вкопанных осмоленными концами в землю по углам ровной четырехугольной площадки размером четыре на четыре метра, имели сверху дощатый настил, который, в свою очередь, был накрыт добротной крышей. При этом какой-либо намек на стены совершенно отсутствовал.

Нам, городским жителям, подобное строение показалось настолько нелепым, что мы разом остановились, с удивлением его разглядывая. Однако наш провожатый не уловил нашего удивления и спокойно констатировал:

– Я смотрю, вам понравился наш сеновал.

– Позвольте! – как обычно, изумилась Эльнорда, правда, на этот раз с оттенком возмущения. – А где же обещанное настоящее сено?!

– А сено на чердаке, – невозмутимо ответил Портятя. – Вот сейчас подниметесь и там в холодке, на ветерке, на сене отдохнете...

В центре площадки действительно стояла довольно хрупкая приставная лестница, упираясь верхним концом в потолок. Когда мы приблизились к ней, стал виден и люк, в который она вела.

Эльнорда не раздумывая взмыла пушинкой вверх по ступенькам, и через секунду сверху послышался ее изумленный вопль:

– Ребята! Давайте быстрее сюда, здесь отлично!!!

– Снышь, – обратился хоббит к троллю, – ей там отнично... Понезни, что ни?

В его голосе звучало явно выраженное сомнение в необходимости лезть куда-то наверх. Однако тролль, не обращая внимания на реплику малыша, подошел к лестнице, подергал зачем-то одну из ступеней и с кряхтением начал карабкаться наверх. Лестница под ним поскрипывала, потрескивала и постанывала, но в результате все-таки выдержала. Скоро светлые, похожие на голые, подошвы душегубовых ног мелькнули в открытом проеме и исчезли.

– Надо же, забанся! – задумчиво удивился Фродо и огорченно прибавил: – Пнидется за ним канабкаться...

После чего он также подошел к лестнице, еще раз горестно вздохнул и принялся «канабкаться» вверх.

Дождавшись, когда мохнатые ноги хоббита исчезли в люке, Портята выжидающе уставился на меня. Я тоже направился к лестнице, но уже взявшись за ступеньку, повернулся к дружиннику:

– Если мы заснем, вы без нас в Москву-то не уезжайте...

Судя по выражению лица Портяты, он из моей простой фразы ничего не понял. А я решил, что мужик слишком уж вошел в образ и переигрывает. Поэтому, махнув рукой, я, с трудом удерживая свой тяжеленный посох, начал подниматься по лестнице к гостеприимно распахнутому люку.

Когда я забрался на чердак этого странного строения без стен и начал осматриваться, привыкая к царящему здесь полумраку, лестницу, соединяющую помещение с землей, убрали, а люк, странно щелкнув, захлопнулся. Через несколько секунд мои глаза привыкли к темноте и я увидел своих друзей, разлегшихся на большой куче прошлогоднего сена.

Они мирно спали.

Глава третья

*Актер должен уметь менять внешность,
актер должен быть неузнаваем.
Но работая над гримом, пластикой,
костюмом, актер обязан идти от внутреннего
содержания образа. Внешность должна
полностью гармонизировать с личностью.
В противном случае и зритель и партнер
будут вправе сказать: «Не верю!»*

К.С. Станиславский. Из неизданного

Я не стал будить этих бедолаг, сраженных слабоалкогольным напитком. Право слово, было не до них. Передо мной стояло два непонятных явления, и мне необходимо было обдумать их в спокойной обстановке. И в число названных мною непонятных явлений не входило зеленое солнце и оранжевые небеса, продолжавшие радовать мой взор необычностью и сочностью своей окраски. Честно говоря, мне было и не до них тоже. Первое, что меня интересовало, это игра, в которую играли наши гостеприимные хозяева. Очень мне хотелось разобраться в ее литературной первооснове. И второе – то, что я услышал за столом в организованной хозяевами пивнушке. Причем меня интересовал и смысл услышанного и физическая основа самого примененного мною метода подслушивания. Если, конечно, все это не было моей новой слуховой галлюцинацией!

Так что я оставил своих спутников спокойно отдыхать, а сам, еще раз оглядевшись, направился к слуховому окошку, выходящему, по моим расчетам, в сторону деревенской улицы. Окошко было совсем маленьким и малоподходящим для моих целей, поскольку его затягивало не стекло и не слюда, а какая-то толстая желтоватая пленка. Когда я покорябал ее ногтем, она отозвалась на манер обычной фанеры.

Но к моему несказанному удовольствию, оконце открывалось, так что спустя уже несколько минут я вовсю любовался открывшимся мне с высоты чердака пейзажем. И пейзаж этот был идиллически спокойным.

Поселяне разбрелись от нашего плетня по всей деревушке и, как это ни покажется странным, занялись самыми настоящими сельскохозяйственными делами. Четверо мужиков, усевшись в запряженную понурой лошадью телегу и уложив туда же несколько кос, отправились по дороге в сторону, противоположную той, откуда мы пришли. На огородах, разбитых позади хаток, появилось несколько согбенных женских фигур, а группа из десятка женщин, погромыхая пустыми ведрами, отправилась в сторону небольшого леса, на опушке которого я заметил стадо коров.

В общем, местное население было мало похоже на горожан, проводящих свой отдых в гуще ролевой игры. Но с другой стороны, они настолько не были похожи на знакомых мне подмосковных колхозников, что принять их за настоящих крестьян я ну никак не мог. Тем более, что рядом с ближней хаткой маячил боевой жеребец Портятты, а сам дружинник во всей красе своего явно средневекового наряда стоял рядом и оживленно беседовал с каким-то неизвестно откуда появившимся низеньким мужичком, наряженным в точную копию монашеской рясы.

Беседовали они чрезвычайно оживленно. Было видно, что физиономия у Портятты приняла свекольный оттенок, так он орал на собеседника. А тот, не обращая внимания на ругань воина, что-то убедительно ему втолковывал, вовсю размахивая черными рукавами.

И снова во мне проснулось раздражение от того, что я не имел возможности их услышать. А услышать очень хотелось.

«Вот и случай удостовериться, что за столом у меня была не галлюцинация, – довольно подумал я, и тут же пришла другая, несколько растерянная мысль: – А как, собственно, я это сделал в первый раз?»

У меня возникло стойкое чувство, что перед тем, как услышать разговор поселян, я что-то такое сделал. Вот только что?! Этого я совершенно не помнил!

Раздраженно ловя ускользающее воспоминание о собственных действиях, я по давнишней привычке щелкнул пальцами правой руки, и тут же в голове всплыло: «Я же щелкнул пальцами!»

И тут я замер буквально с открытым ртом, уставившись на собственные пальцы. Получалось, что мне надо было просто ими пощелкать и все!

Я медленно задавил в себе удивление и... щелкнул пальцами.

И ничего не произошло.

Я щелкнул еще раз. Ровно с тем же успехом.

«Ну что ж, значит, это была галлюцинация!» – с непонятным облегчением подумал я. И снова перевел взгляд на спорящих возле хатки мужиков. Ах как мне надо было послушать их диспут! Они наверняка обсуждали наше появление, а возможно, и дальнейшие ходы в своей игре. Я прекрасно видел их разгоряченные лица, различал энергичные и порой не совсем приличные жесты. Приглядевшись, я мог даже разобрать их артикуляцию. Но слышать я их не мог! И тут я с досадой снова щелкнул пальцами!.. В моей голове словно повернули выключатель, и тут же раздались голоса:

– ...еще раз объясняю, господин Мал отправился в замок. Вот он вернется, с ним и разговаривай! – приокивая, гудел густой баритон Портяты.

Ему тут же ответил противный высокий, повизгивающий фальцет:

– Эти четверо нечестивцев, поминающих вслух демонов, подлежат епископскому суду и должны предстать пред его святостью Епископом! Он будет их судить, а светская власть должна смириться и принять его суд! Немедленно передай мне всех четверых и обеспечь их охрану в дороге!

– Еще и охрану тебе! – усмехнулся Портятя. Его тон неожиданно стал спокойным и даже насмешливым. – А на руках тебя к его святости доставить не надо?!

– Смеешься, нечестивец! – взвизгнул монах. – Я посмотрю, как ты будешь смеяться, когда Епископ наложит на тебя проклятое заклятие!

– Да пусть он себе это заклятие под сутану засунет! – Портятя сопровождал данное предложение весьма откровенным жестом. – А если ему не нравится, как я себя веду, пусть Великому Качею жалуется и на него же свое заклятие накладывает! Я выполняю волю своего господина и мой господин принимает на себя мои грехи!

– Отдай нечестивцев, нечестивец!!! – заверещал монах. – Они – добыча Храма!!!

– Ты, монах, знаешь, что Храм – пастырь человек?! – сурово проокал в ответ Портятя.

– А значит, и твой пастырь! – визгливо отвечивал монах.

– Так вот, среди тех четверых, о которых мы спорим, людей-то нет! – усмешливо ответил дружинник. – Одна сумеречная эльфийка, один мохноногий хоббит, один шерстнатый тролль и один древний чародей. Чародей настолько древний, что даже пива не пьет!

– Кто-кто?.. – оторопело переспросил монашек. – Эльфи... Хоббот... Торль... Что за имена такие?!

– Это они сами себя так называют... – снова усмехнулся Портятя. – Теперь сам видишь, что не под храмовой дланью эти четверо ходят!

– Но если это не люди, тогда их тем более надо в Храм! – непоследовательно завопил монашек. – Ведь нелюди призраку без надобности!

– Тебе откуда знать, кто призраку в надобность, а кто без надобности? – сурово поинтересовался Портятя. – Али ты с ним на короткой ноге и он сам тебе об этом поведал?!

Монах после этих слов явно растерялся, это было видно по суетливому сглатыванию и явному недостатку встречных аргументов. Черноризец молчал, нервно перетоптывая на месте и облизывая яркие, как у вампира, губы.

Портятя несколько секунд подождал, не скажет ли монах еще что-нибудь, а потом закончил спор:

– Все, храмовник, отвали, некогда мне с тобой лясы точить! Вот господин Мал вернется, попробуй с ним поспорить! А у меня – дела!

После этого Портятя повернулся и быстро пошагал вдоль дороги к околице деревеньки.

Монашек несколько секунд смотрел ему вслед, а когда дружинник скрылся за росшим на обочине улицы кустом, воровато огляделся, подобрал полы рясы и, перемахнув через плетень, порысил в сторону нашего сеновала. Двигался он странными короткими перебежками, низко пригнувшись и петляя по саду, словно сад этот находился под артобстрелом. Тем не менее очень скоро его черная сутана исчезла из поля моего зрения – монашек нырнул под наш чердак.

Несколько мгновений все было тихо, а затем закрытый люк как-то всхлипнул и словно нехотя начал приподниматься. Оторвавшись от пола на несколько сантиметров, край люка остановился и завис, будто бы раздумывая, не проще ли будет лечь на прежнее место. Однако я, одним прыжком подскочив к образовавшемуся отверстию, ухватился за приподнявшуюся створку и потащил ее вверх.

Не знаю, справился бы я с этой легкой на вид створкой, на поверку оказавшейся невероятно тяжелой, но в последний момент в щель просунулись концы приставной лестницы. В ту же секунду лючок потерял весь свой вес и с грохотом откинулся, а я по инерции полетел в кучу сена к своим друзьям. Эти три сони дружно всхрипнули, но просыпаться и не подумали.

Когда я, выбравшись из сена, выпрямился, то увидел торчащую в проеме люка черную голову, накрытую темным капюшоном и торопливо озирающую плохо освещенное пространство чердака. Через секунду, не разглядев меня в царившем полумраке, голова тихо зашипела:

– Есть здесь кто бодрствующий?

– Есть... – прошипел в ответ я, и голова мгновенно развернулась бледным личиком в мою сторону. Это был, конечно, тот самый монах, который требовал у Портяты нашей выдачи.

– Давай, влезай сюда, – опять же шепотом предложил я голове, но она отрицательно помоталась и прошипела:

– Нельзя... Они могут лестницу убрать и запереть меня вместе с вами.

– А разве нас заперли? – удивился я почти во весь голос.

– А разве нет? – в свою очередь удивилась голова.

– Ну, вообще-то я не заметил... – задумчиво проговорил я.

– А что ж вы тогда не сбежали? – едко прошипела голова.

– Хм... Ну, во-первых, вроде как бы и незачем. А во-вторых, друзья мои уснули, будить их не хочется.

– Ничего, – злорадно пообещала говорящая голова, – Мал-то вернется, вас быстро разбудят... – И, помолчав, неизвестно к чему добавила: – Да будет поздно!

– Значит, считаешь, нам удирать надо? – неуверенно переспросил я.

– Конечно! – уверенно подтвердила голова. – И главное, удирать прямо к Епископу и отдаться под защиту Храма! Это ваш единственный шанс!

Меня очень удивило, что монах произнес слово «Епископ» так, словно оно было именем собственным, но выяснять этот вопрос не стал. Вернее, не успел. Нетерпеливо тряхнув капюшоном, голова снова торопливо зашипела:

– Только его святость сможет спасти вас от...

Но в этот момент с жутким воплем «А-й-й-я» голова исчезла из проема люка. Вместе с головой исчезли и торчавшие стойки приставной лестницы. А вот сам люк пока еще оставался открытым.

Я осторожно приблизился к зиявшему проему и заглянул в него. Лестница действительно исчезла. Во всяком случае, ее нигде не было видно. А вот монашек, вернее, черная ряса с торчавшими из нее кистями рук и ступнями ног была в наличии. Все, что осталось от монашка, совершенно неподвижно лежало точнехонько под люком. Голову не было видно – то ли он ее при падении как-то неловко подвернул, то ли она была очень плотно замотана в капюшон.

Внимательно осмотрев темнеющие внизу останки, очень похожие на небрежно брошенную на землю куклу, я жалостливо вздохнул, но в этот момент кукла шевельнулась, поскребла пальцами рук по утрамбованной земле и начала медленно и как-то неуклюже подниматься на ноги.

Я с невольным уважением наблюдал за героическим монахом, пролетевшим в свободном падении не менее шести метров и отделавшимся всего лишь легким испугом. Впрочем, «всего лишь легкий испуг» – это, конечно, явное преуменьшение. Налицо была тяжелая контузия, поскольку, поднявшись на ноги, монашек задрал вверх голову и, разглядев мою бороду в люке, поднял еще и руку. Затем своим визгливым фальцетом он грозно заорал:

– Прощай!.. Прощай и помни обо мне!..

Постояв еще мгновение в этой нелепой позе, он опустил и голову и руку и неторопливо двинулся к дороге, уже не опасаясь артобстрела.

Я снова направился было к своему окошку, но стоило мне отойти от люка, как крышка, снова всхлипнув, опустилась на место. И тут что-то остановило меня, и я, вернувшись, внимательно ее осмотрел. Деревянная крышка лежала меж досок пола, плотно утопленная в проем. Никаких колец или ручек она не имела, и открыть ее с нашей стороны было бы чрезвычайно сложно. Выходило, что монашья голова была права – нас действительно заперли.

Это обстоятельство меня встревожило, но не настолько, чтобы поднимать панику. Я медленно отошел к окну и принялся наблюдать за окрестностями.

Впрочем, наблюдать было особо не за чем. У местного населения шли обычные трудовые будни. Вернулись женщины, доившие коров, прибавилось народу на огородах, причем по величине фигурок я понял, что на борьбу за урожай вышли ребятишки. Еще пятеро мужиков на скрипучей телеге выехали за пределы деревни, так что, по моим прикидкам, в данном населенном пункте жителей практически не осталось. Если не считать девушек. Их по-прежнему не наблюдалось, но, по логике вещей, они должны были где-то быть!

Жеребец Портяты продолжал стоять у изгороди, возле хатки, а самого дружинника не было видно. Меня это несколько удивило – кавалерист, предпочитающий ходить пешком.

Таким образом прошло довольно много времени, но вот за моей спиной раздалось слабое кряхтенье. Оглянувшись, я увидел, что из кучи сена на карачках выползает маленькая фигурка, и понял, что пробудился мой гениальный друг. Он выбрался на свободное от сена место, еще немного покряхтел и наконец распрямился. Повертев головой в густом полумраке, он странным тоненьким голоском задал вопрос окружающим:

– Что, уже ночь?

А я приглядывался к нему, и меня стремительно наполняло чувство странной настороженности. Что-то с ним явно было не так! И голос этот писклявый и...

Однако на заданный вопрос требовался ответ, и я негромко буркнул:

– Нет, день в самом разгаре, только здесь окошки маловаты и темноваты.

Паша повернулся в мою сторону, заметил меня у окна и довольно скучно проямлил:

– А, Серый... Все колдуешь?

– Да нет... – в тон ему ответил я и, снова повернувшись к окну, добавил: – Просто наслаждаюсь свежим воздухом и прекрасным видом.

Паша направился в мою сторону, попискивая про себя:

– Занятие истинного философа.

Подойдя к окошку, он неласково отпихнул меня в сторону и, высунувшись в него, принялся рассматривать окружающее. А я с изумлением рассматривал его.

Надо сказать, что Пашенька никогда не был особенно высок. Во мне было без малого сто девяносто сантиметров, и он был мне где-то по плечо. Но поскольку Паша был художав и предпочитал обувь на высоком каблуке, он всегда выглядел достаточно высоким. А теперь рядом со мной топталась довольно упитанная фигура явно ниже полутора метров. Это не могло быть следствием отсутствия каблуков, а другой причины столь резкого уменьшения его роста или увеличения объема я никак не мог подобрать. И кроме того, у меня возникло непреодолимое желание подергать его за паричок – это произведение парикмахерского искусства выглядело до неприличия натуральным. Я уже протянул руку, но в этот момент Паша надышался свежим воздухом и повернулся ко мне лицом.

Я чуть не охнул!

Нет, это безусловно был Паша Торбин, мой близкий и хороший друг. Но как он изменился! Куда девалась бледная, художавая Пашина физиономия, так легко принимавшая выражение одухотворенного эстетства. На меня смотрела толстощекая, румяная рожа, готовая растянуться в улыбке от уха до уха!

Однако не растянулась. Видимо, после здешнего пива ей было не до улыбок. Наоборот, пристально взглянув мне в лицо, рожа брякнула:

– Чего уставился?! Хоббита не видел?!

«Хоббита!!!» – грохнуло у меня в голове. И вдруг нахлынула идиотская, но успокаивающая мысль: «Это ж не Паша, это ж – Фродо!» – и я широко улыбнулся.

– Чего лыбишься?! – тут же окрысился Фродо. – Я что, незаметно для себя анекдот рассказал?! Чем зубы скалить, лучше бы подсказал, где здесь выход? Мне отлучиться надо на пару минут... – И увидев, что я продолжаю улыбаться, гаркнул: – Пиво наружу просится!

– А выхода здесь нет, – успокоил я его, – нас заперли.

– Как это – заперли? – не понял Фродо. – Зачем?

– Хватит орать... – неожиданно пророкотало из кучи сена, а следом донесся короткий всхрап и тяжелое шевеление.

Мы совершенно забыли о наших отдыхающих товарищах и своими криками разбудили одного из них. Темная куча слегка приподнялась и из-под нее выползло нечто бесформенное, но огромное. Когда это огромное поднялось на ноги и выпрямилось, оказалось, что головой оно достает почти до крыши, хотя и стояло под самым коньком. Другими словами, если Паша здорово уменьшился в росте, то Элик, а это был без сомнения он, сантиметров тридцать прибавил. Правда, он здорово ссутулился, но зато раздался в плечах.

При своей невероятной комплекции Душегуб двигался совершенно бесшумно. Вот только что он располагался в дальнем конце чердака, а через мгновение оказался рядом с нами. И при этом ни одна дощечка достаточно хлипкого настила даже не скрипнула.

– Ну, – навис над нами здоровенный тролль, посверкивая малюсенькими красноватыми глазками, – чего разорались? Кто кого запер?

Голос его звучал грубовато, но удивительно тихо.

Фродо, совершенно не обративший внимания на коренные перемены во внешнем виде Душегуба, возмущенно воскликнул:

– Ты представляешь, Душегубушка...

Но в ту же секунду огромная, покрытая густым мехом ручища тролля, спокойно свисавшая почти до его колена, метнулась вверх, и широкая ладошища полностью накрыла круглую мордашку Хоббита.

– Орать не надо... – все так же негромко пророкотал Душегуб. – Эльнорду разбудишь... А малышке надо отдохнуть.

Затем, слегка встряхнув Фродо для пущего внушения, он снял свою длань с его рожицы. Фродо с всхлипом втянул воздух, выдохнул, снова втянул и наконец опять заговорил. Теперь уже гораздо спокойнее и тише:

– Я говорю, что Серый говорит, что нас здесь заперли. А мне очень надо наружу, потому что... ну ты сам знаешь почему.

Троль наклонил свою огромную башку набок и, с секунду подумав, подтвердил:

– Да... Знаю... Мне тоже наружу надо...

– Ну! – мотнул головой Фродо. – А Серый говорит, что нас заперли.

– Кто? – Душегуб перевел свой светящийся взор на меня.

– Хозяева, – усмехнулся я в ответ.

– Зачем? – Душегуб, похоже, стал еще более немногословен.

– Наверное, чтобы нас задержать, – предположил я.

– Ага... – Троль склонил голову набок и несколько секунд размышлял. Потом, ни слова не говоря, он развернулся и пошел в глубь чердака, внимательно глядя себе под ноги. Скоро он обнаружил закрытый люк.

Присев рядом с крышкой на корточки, Душегуб попытался поддеть ее ногтями, но, судя по его недовольному ворчанию, это ему не удалось. Тогда он встал рядом с люком на колени и, опершись левой рукой на настил, навис над крышкой. Мы внимательно наблюдали за манипуляциями нашего товарища, не догадываясь о его намерениях. А тролль, коротко размахнувшись, опустил правый кулак на крышку люка. Та слабо хрюкнула и... вывалилась наружу.

Мы с Фродо изумленно переглянулись, а Душегуб, не обращая на нас внимания, что-то пристально рассматривал внизу. Впрочем, его наблюдения длились недолго. Через пару секунд он пробормотал что-то вроде:

– Ох-хо-хо, – и несколько неуклюже вывалился вслед за крышкой.

Мы мгновенно бросились к люку, но, выглянув, никого под ним не обнаружили – Душегуб пропал. Только расщепившаяся на две половины крышка люка валялась на утрамбованной земле. Усевшись рядом с отверстием, мы ненадолго задумались.

Нет, придумать что-нибудь мы вряд ли смогли бы, а думали мы недолго просто потому, что вскорости под нами появился довольно улыбающийся Душегуб. Он посмотрел на нас снизу и пророкотал:

– Ну вот, все в порядке.

Потом, пару раз мигнув и почесав затылок, он спросил:

– А чегой-то вы там сидите? Вылезайте...

Фродо лег перед люком на живот, свесил голову в проем и едко поинтересовался:

– Вылезать? Ты что, не видишь, сколько здесь лететь надо? Я тебе хоббит из рода Мохноногов, а не летучая мышь из отряда вампиров. Я планировать не умею. Ты что, дылда, хочешь, чтобы я ножки себе поломал?

– Да ладно, прыгай, я тебя поймаю. – добродушно предложил тролль и встал прямо под люком. Расстояние, которое требовалось пролететь, и вправду здорово сократилось.

Фродо недоверчиво посмотрел на Душегуба и, громко вздохнув, принялся выбирать наружу. Ногами вперед. Когда его мохнатые ноги повисли над бездной, он жалостливо посмотрел на меня и пропыхтел:

– Помоги мне, а то я сорвусь...

Мне было непонятно, что значит сорвусь, если он и так собирался наружу, но я все-таки уцепился в остатки его желтой рубахи. Фродо, кряхтя, перевалился через край люка и повис, зацепившись короткими пальчиками за край настила.

– Ну давай, прыгай! – подбодрил его снизу Душегуб.

– А ты меня правда поймает? – жалобно пропищал хоббит.

– Правда, правда, – уже несколько раздраженно заверил тролль.

– Ты меня нежно лови, – попросил хоббит, – а то, если ты меня грубо поймает, я описаюсь...

Ни я, ни, похоже, Душегуб не поняли, что он имел в виду под словом «нежно», а переспросить не было никакой возможности, поскольку сразу вслед за сказанным Фродо разжал пальчики и со свистом пошел вниз.

Фродо напрасно беспокоился. Поскольку Душегуб в своей прошлой жизни был регбистом, поймать в воздухе маленького хоббита для него не представляло труда. Так что через мгновение хоббит крепко стоял на своих мохнатеньких ножках.

Недолго стоял. Едва ощутив под собой твердую землю, он, даже не поблагодарив своего поимщика, бросился к кустам на берегу речки. Душегуб насмешливо покачал головой и пробормотал:

– Эх как приперло беднягу...

Потом он поднял голову и предложил:

– Теперь ты давай.

Однако вместо того чтобы сигать в дырку, я, наоборот, отодвинулся от нее.

Снизу донеслось насмешливое:

– Чего, старче, боишься?

Наклонившись над проемом, я спокойно ответил:

– Нет, Душегубушка, просто у меня здесь еще дела есть...

Оставив тролля размышлять о том, какие такие дела задерживают меня на чердаке, я поднялся на ноги и двинулся в сторону кучи сена. Там по-прежнему царил мрак, лишь слегка разбавленный отсветом из открытого мной окошка и проломленного троллем люка. Подождав, чтобы глаза привыкли к отсутствию освещения, я тихо позвал:

– Машеус...

Темная куча сена ответила молчанием. Я позвал погромче:

– Машеус...

И снова молчание.

Тут я вспомнил, какими из этой кучи выползли хоббит с троллем, и с легкой запинкой произнес:

– Эльнорда...

И сено сразу зашевелилось, зашелестело, а затем из нутра кучи донеслось сонно-недовольное:

– Ну, чего надо?

– Эльнорда, пора вставать, – погромче и построже произнес я. – Хватит дрыхнуть!

– Ничего не хватит! – капризно ответили из ку-чи. – И вообще у меня сегодня нет первых двух пар!

Я даже не сразу сообразил, что девчонка имела в виду, но потом вспомнил, что она студентка, а каникулы короткие.

– Эльнорда! – Я намеренно сделал особое ударение на имени. – Вставай, нам пора уходить!

– Ой! – ответили из кучи встревоженно, и сено энергично зашевелилось прочь от меня. Потом раздался глухой стук и тихое шипение. Сено зашевелилось в другую сторону, и, наконец, из него показалась белокурая голова.

Эльнорда огляделась спросонья и выпрямилась. Я заметил, что в руке у нее был зажат длинный зеленый узел. В отличие от предыдущих персонажей, покинувших ту же кучу сена, в Машеусе не было заметно каких-либо существенных изменений.

Эльф между тем окончил осмотр помещения и тревожным шепотом поинтересовался:

– А где остальные?

– Они уже покинули сей гостеприимный приют, – высокопарно ответил я.

– Вот как? – удивилась Эльнорда.

– Сейчас его покинешь и ты, – тут же пообещал я и, взяв ее за руку, повел к светлевшему в настиле проему.

Заглянув в него, мы увидели две физиономии, с явной тревогой наблюдавшие за люком. Фродо уже успел вернуться из своего путешествия к прибрежным кустикам и выглядел вполне удовлетворенным. Увидев нас, оба мифических существа радостно заулыбались, а Душегуб призывно вытянул вверх руки. Однако Эльнорда не поняла его приглашения и растерянно поинтересовалась:

– А как же мы спустимся без лестницы?

– Да просто прыгнем вниз... – беспечно ответил я.

– Прыгнем вниз?! – В ее голоске зазвучало привычное изумление.

– Да, – подтвердил я, – прыгнем вниз, а Душегуб нас поймает.

Эльнорда зачарованно посмотрела вниз на улыбающуюся физиономию тролля, а когда она снова перевела глаза на меня, я увидел, что они из серо-голубых стали ярко-зелеными. Даже – изумрудными. Их уголки приподнялись и слегка оттянулись к вискам, а все ее округлое личико вытянулось, его черты утончились. И румянец со щек пропал, уступив место какой-то матовой бледности. А когда она протянула мне свой узелок, я был поражен изысканной грацией ее движения. Передо мной стоял самый настоящий эльф.

Она со вздохом отцепила от пояса свой Рокамор и тоже протянула мне. Потом посмотрела вниз и приказала:

– Фродо, дружок, отступи в сторонку!..

Хоббит немедленно отскочил шага на четыре от Душегуба. Эльнорда примерилась и, крикнув:

– Лови! – сиганула в проем.

Когда я через мгновение высунулся посмотреть на результат этого лихого прыжка, она уже покоилась в могучих лапах тролля, суровая рожа которого блаженно улыбалась.

– Душегубушка, ты собираешься меня на землю поставить или так и будешь на руках таскать? – прозвенел колокольчиком мелодичный эльфийский голосок.

Троль заметно смутился и позволил Эльнорде встать на землю. А потом, явно пытаясь скрыть свое смущение, посмотрел на меня и рявкнул:

– Ну давай, прыгай!

– Не торопись... – спокойно ответил я и направился к своему окошку. Подобрал около окна свой посох, я неожиданно для самого себя аккуратно прикрыл оконную створку и повернул задвижку. Затем, вернувшись к проему, я совсем уже собрался сигануть в лапы могучего тролля, как вдруг мне в голову пришла странная мысль. Я нагнулся над проемом и негромко попросил:

– Душегуб, друг милый, отойди немного в сторону...

– Но я тогда не смогу тебя поймать... – недоуменно ответил тот.

– А кто сказал, что меня надо ловить? – все так же негромко спросил я.

Троль в ответ только пожал плечами. И тут в наш разговор вмешалась Эльнорда, успевшая уже выйти из-под настила:

– Душегуб, иди ко мне, Гэндальф вполне может позаботиться о себе сам, и если он говорит, чтобы ты ему не мешал, значит – не мешай.

Тролль нерешительно потоптался и медленно направился к стоящим на травке Эльнорде и хоббиту.

А я, чуть прикрыв глаза, представил себе, как от обреза проема до самой земли вырастает прочная лестница. «Нет! – тут же мысленно поправил я сам себя. – Не лестница, а эскалатор! И я так важно съезду вниз, что у них рты пооткрываются!»

И до того мне захотелось с шиком съехать на эскалаторе на землю, что я долбанул в настил своим резным посохом, щелкнул пальцами и, не глядя, шагнул в проем люка...

Шагнул и медленно, по наклонной стал опускаться к земле, словно действительно находился на бегущей лестнице. Оказавшись внизу на утрамбованной площадке, я гордо посмотрел на своих друзей. Они, как я и ожидал, стояли с разинутыми ртами и не сводили с меня ошарашенных взглядов. Лишь минуту спустя Фродо первым захлопнул варежку, а потом неожиданно смачно плюнул и озвучил свое отношение к происшедшему:

– Вот зараза серая! А меня прыгать заставил! Да еще с переполненным мочевым пузырем!!!

После этого комментария я, признаться, несколько сконфузился. Однако Эльнорда меня выручила:

– А мне понравилось прыгать, и как меня Душегуб подхватил, понравилось! – Она улыбнулась сутулому троллю, а потом снова повернулась к Фродо: – И вообще, кончай ныть, каждый спускается, как может.

Фродо в ответ только махнул рукой, а эльфийка, словно ничего необычного не произошло, спросила бодрым голосом:

– Ну что, мальчики, куда мы теперь направимся?!

– Я предлагаю драться! – неожиданно и невпопад заявил тролль. Мы дружно посмотрели на него и увидели, что он, приложив свою широченную ладошку козырьком ко лбу, пристально разглядывает нечто, скрытое плетнем и придорожными кустами. Глянув в том же направлении, мы увидели только здоровенный шлейф пыли, лениво поднимавшийся к небу. По дороге кто-то скакал в сторону нашей деревни, и Душегуб, похоже, видел, кто это скачет.

Тролль бесшумно метнулся садом в сторону стола, за которым мы пировали, а Эльнорда забрала из моих рук свой сверток и кинжал. Кинжал она тут же прицепила на пояс, а сверток положила на траву и принялась быстро разворачивать. Когда из-под ее зеленого плащика показался кончик лука со спущенной тетивой, я поднял глаза к небу и мысленно застонал – это ее оружие было, на мой взгляд, самым неподходящим средством для защиты или нападения. Только такая повернутая на английской сказке девочка, как Машеус, могла вообще видеть оружие в этой палке с веревкой.

Но эльфийка продолжала сноровисто распаковывать свое вооружение, и через мгновение все мои критические мысли буквально окаменели. Моему изумленному взору предстал длинный, изящно изогнутый лук, составленный из точеной деревянной перекладки и двух рогов неизвестного животного. Быстрым движением Эльнорда согнула это произведение искусства и накинута на свободный конец лука петлю тетивы, явно свитой из чьих-то сухожилий. Наконец она выдернула из-под ткани свой самодельный колчан, расшитый непонятными узорами, в котором покоилось три-четыре десятка стрел, оперенных серым пером дикого гуся.

Девушка выпрямилась, закидывая одновременно колчан за плечо, и строго кивнула Фродо:

– Позаботься о моем плаще...

В этот момент рядом с нами выросла махина Душегуба, в мохнатой лапе он держал свою чудовищную дубину. И на этот раз эльфийка его совершенно не испугалась, а наоборот, посмотрела на тролля с немим одобрением.

Фродо быстро скатал эльфийский плащ и спрятал его за пазуху.

И тут мы услышали со стороны дороги довольно громкий голос:

– Где они? – и невнятно окуающий ответ:

– На чердаке, на сеновале. Там еще... – И дальше очень невнятно.

– Отлично! – ответил первый голос, и через несколько секунд между деревьями сада замелькало несколько фигур, явно военного обличья.

Я внимательно пригляделся. Если спутники Мала, включая и нашего знакомого Портяту, казались простыми мужиками, нарядившимися в кольчуги и нацепившими мечи ради забавы, то эти ребята явно были профессионалами. Они двигались между деревьями бесшумно и быстро, посверкивая обнаженными клинками и прикрываясь круглыми кавалерийскими щитами. Их было человек двадцать, и они сразу рассыпались цепью, собираясь, видимо, окружить наш сеновал. В середине цепи двигался высокий, закованный в вороненые пластинчатые доспехи великан, его голову венчал глухой сверкающий шлем, украшенный странным костяным гребнем. Рядом с ним неуклюже топал Портята.

И в этот момент резко прозвучал звонкий девичий голос:

– Стойте, где стоите! Первого, кто пошевелится, я прикончу на месте!

Я бросил быстрый взгляд на нашу спутницу. Она стояла выпрямившись, со стрелой, наложенной на тетиву. Но лук еще был опущен.

Окружавшие нас вояки замерли, как я сразу понял, не потому, что услышали Эльнорду, а потому, что их начальник вскинул вверх руку. После этого командир отряда повернулся к Портяте и что-то негромко ему сказал. Дружинник коротко кивнул в ответ и, быстро расстегнув пояс, положил его на траву вместе с мечом. Затем он поднял вверх руки и громко прокричал:

– Конец, скажи своей девчонке, чтобы она не стреляла. Гвардейцы не будут двигаться, а я подойду поближе. Надо поговорить!

– Подходи! – крикнул я в ответ, а Эльнорде одними губами прошептал: – Следи за ними и стреляй при первом же движении в нашу сторону.

– Хорошо, Серый, – усмехнулась эльфийка.

Портята подошел и остановился шагах в восьми от нас. Он молчал, неспешно нас рассматривая, а я тоже не торопился вступать в разговор. Наконец он усмехнулся и покрутил головой:

– Сильны вы, ребята! И с пивом справились, и с чердака зачарованного спустились...

– Давай-ка, друг Портята, о деле, – перебил я его славословие.

– О деле так о деле, – охотно согласился тот. – Его величие правитель Качей прислал за вами почетный эскорт. – Портята бросил взгляд на замерших гвардейцев и пояснил: – Вот этот...

– А у нас создалось впечатление, что у этого эскорта не совсем миролюбивые намерения... – усмехнулся я в ответ.

– Нет, это действительно эскорт, – добродушно прогудел Портята. – Но я предупредил воеводу, что где-то рядом отирается чернорясник, вот они и развернулись боевой цепью.

– Что? Двадцать гвардейцев испугались одного монашка? – снова усмехнулся я.

– Этот монашек, да при поддержке своего господина, может быть гораздо опаснее двадцати гвардейцев! – серьезно и многозначительно ответил Портята.

– Ну, не знаю... – задумчиво проговорил я. – Из моего с ним общения я бы такого вывода не сделал.

– Так он все-таки до вас добрался! – огорченно воскликнул Портята.

– Добрался, добрался, – подтвердил я. – И рассказал много очень интересного. Например, о том, что единственное наше спасение – это Епископ. Только он может уберечь нас от... призрака!

Произнося эти слова, я внимательно наблюдал за своим собеседником. Он не казался мне слишком уж хитрым человеком, и я рассчитывал на его достаточно откровенную реакцию. И действительно, по выражению его лица было видно, что он очень огорчен моим контактом с монашхом. Однако никакого смущения при упоминании о призраке он явно не испытывал. Наоборот, он тут же подхватил эту тему:

– А про кадавра епископского он ничего не говорил?

– Нет... – слегка растерялся я. – А что за кадавр?

Портятя на секунду задумался, а потом вздохнул:

– Если все рассказывать, получится длинная история... Да и не все я знаю. А только у нашего Епископа та же нужда в вас, что и у правителя Качея. Потому Качей и такую охрану выслал, что боится, как бы вас рыцари Храма не отбили. Для Епископа...

– А что ж этот Епископ сразу своих рыцарей за нами не послал? – подал свой голос Фродо.

– Он, может, и послал, – быстро ответил Портятя. – Да только путь до цитадели рыцарей Храма неблизкий. За несколько часов не обернешься. Вот Епископ и прислал своего человечка. Поговорить с вами и поглядеть, что вы за птицы такие!

– Так, может быть, когда его человечек доложит, кто мы такие, Епископ потеряет к нам интерес? – снова завладел я разговором, стрельнув глазом в сторону болтливого хоббита.

– Ничего ему его человечек докладывать не будет, – прищурил глаз Портятя. – Я так понимаю, человечек этот – кукла заводная. А беседовал да разглядывал вас сам Епископ. Посредством этой самой куклы.

Я живо вспомнил, как выглядел монах после своего падения из нашего люка, и понял, что Портятя прав! Это действительно была кукла. А дружинник между тем продолжил свои умозаключения:

– Да и снять заклятие с чердачного люка простой черноризец вряд ли смог бы... Не-е-т, это точно сам Епископ был.

– Ладно, – прервал я его размышления, – с Епископом все более или менее ясно. А что ты можешь сказать об ожидающем нас призраке?

Портятя задумчиво почесал плохо выбритую щеку.

– Призрак, говорят, действительно в Замке есть... Только, опять же, видят его только те, кто в призраков верит. А кто не верит – тому он не показывается. Да... А вот кадавр епископский, тот всем показывается... Ну, тем, кого ему показывают. Вот в него сложно не поверить.

– Значит, ты советуешь принять приглашение правителя? – звонко спросила Эльнорда, и в ее голосе мне снова послышались серебряные колокольчики.

– Да, – серьезно ответил Портятя, глядя прямо в глаза эльфийке. – Если бы я думал по-другому, я служил бы Епископу!

Мы помолчали, а потом я спросил, не отводя взгляда от Портяты:

– Ну, что скажете, ребята? Какие будут ваши мнения?

– Призраки, кадавры... – первым подал голосок Фродо. – Не хочу я ни к Качею, ни к Епископу!

И вдруг его тонкий голосок запнулся и сменился знакомым Пашиным чуть хрипловатым баритоном:

– И вообще мне в Москву пора!

Я резко повернулся в его сторону и увидел испуг на круглой мордашке хоббита, словно он сам не понял, что такое сказал!

Но никто больше, похоже, не обратил внимания на эту странную фразу. Тем более, что слово взял тролль. Опершись на свою палицу, Душегуб коротко прорычал:

– А мне все равно куда идти! Я ни призрака, ни кадавра не боюсь! И Качея с Епископом я тоже видал в ответственном месте!

Это выступление тут же поддержала белокурая эльфийка:

– Душегубушка сказал самую суть! И потом, мы все равно хотели познакомиться с главным в этой игре! Пошли к Качею!

– Так, – подвел я черту, – мнения ясны. Идем в Замок. Только сначала проверим показания нашего дорогого Портяты... Не в обиду ему будет сделано...

И повернувшись к командиру гвардейцев, или, как его назвал Портятя, к воеводе, крикнул: – А ну-ка, любезный, подойди ближе!

Тот немедленно пошагал к нам.

Когда он остановился рядом с Портятой, я приказал:

– Сними шлем!

Он, покопавшись в подбородочных ремешках, стянул свой головной убор, и нашим взорам предстало худое скуластое лицо с длинным крючковатым носом, тонкими губами и близко посаженными водянисто-голубыми глазами. Его длинные, прямые седоватые волосы были примяты шлемом и слегка взмокли. Рот его презрительно кривился, словно ему было крайне неприятно беседовать со столь незначительными людьми, а тем более нелюдью, но глаза быстро перебежали по нашим лицам, стараясь определить, какой гадости можно ожидать от нас в следующий момент.

Я посмотрел ему прямо в глаза и, пожелав самого в этот момент сокровенного, взмахнул правой рукой и щелкнул пальцами.

В ту же секунду лицо воеводы разгладилось, приняв умиротворенное выражение, а глаза остановились и сделались совершенно безразличными, будто погрузились сами в себя. А я самым спокойным тоном спросил:

– Повтори в точности полученный тобой приказ.

– Доставить в Замок в целости и сохранности группу, называющую себя Братство Конца. Ни в коем случае не допустить, чтобы эта группа попала в руки Епископа.

На неподвижном лице воеводы шевелились только губы. Они словно жили отдельно от всей его физиономии и, только договорив до конца, вновь слились с ней.

Портятя с нескрываемым изумлением следил за допросом воеводы, и когда тот доложил требуемое, перевел взгляд на меня и прошептал:

– Да, Гэндальф Серый Конец, ты великий чародей!

Я пожал плечами и снова обратился к воеводе. На этот раз громче:

– Воевода!

Тот моргнул, словно в глаза ему ударил луч света, и перевел свой вновь осмысленный взгляд на меня.

– Портятя уговорил нас принять приглашение правителя Качея. Мы посетим его Замок!

– Тогда прошу Братство Конца проследовать за мной! – пробасил в ответ воевода и, круто повернувшись, пошагал в сторону улицы, прилаживая на ходу свой шлем на то место, на котором он и должен был находиться.

Уже через несколько минут мы были в седлах посланных за нами коней и, сопровождаемые двумя десятками гвардейцев, скакали в Замок правителя Качея. Правда, наш доблестный Фродо скакал, сидя перед одним из гвардейцев. Его маленькие ножки не доставали до стремян, и он вынужден был смириться с необходимостью стать пассажиром.

Глава четвертая

*Не надо пугать меня призраком!
Призрак – явление неестественное
и поэтому несуществующее!
Предсмертный хрип задушенного привидением*

Воевода был неразговорчив. Похоже, он догадывался, что с ним учинили какую-то унижающую его достоинство штуку, но никак не мог припомнить, какую именно. Поэтому на мои вопросы, задаваемые в пылу скачки, отвечал коротко и неохотно. Правда, я тоже больше спрашивал, чем рассказывал о нашем Братстве, хотя именно оно воеводу очень интересовало. Так что, сами понимаете, беседа у нас протекала весьма своеобразно.

И все-таки мне удалось узнать, что зовут его Шалай – воевода левой руки, что под началом у него в мирное время гвардейский полк Рыси, а во время боевых действий – весь левый фланг королевской рати. Что на этот раз его поставили во главе всего лишь гвардейской двадцатки только из-за срочности и серьезности дела, а также ввиду возможности нападения рыцарей Храма. Что вообще-то рыцари Храма – это шайка ублюдков, не умеющих как следует держать оружие, но ухо с ними надо держать востро, потому что горазды на всякое подлое колдовство.

Правда, из коротких фраз Шалай можно было сделать заключение, что Качей и сам поколдовать не прочь, но сильно уступает в этом деле Епископу.

Вот за этой милой беседой мы и преодолели большую часть пути. Я все время оглядывался на своих спутников, пытаюсь оценить их состояние, и с радостным удивлением видел, что и Душегуб, и Эльнорда прекрасно держатся в седлах. Они скакали с двух сторон от гвардейца, везшего Фродо, словно составляли почетный караул маленького хоббита. А тот вовсю вертел головой, разглядывая окрестности, и даже пытался повернуться к везшему его всаднику, чтобы что-то спросить.

Наша кавалькада перевалила через вершину холма, и дорога плавно пошла под уклон. Зеленое солнце повисло над самым окоем леса, а оранжевые небеса потемнели до светло-коричневого оттенка. На горизонте, там где дорога распарывала надвое темную стену леса, маячила высокая густо-черная башня. Слово отрубленный корявый палец царапал траурным ногтем коричневеющее небо.

Я, собственно, сразу сообразил, что мы приближаемся к месту назначения, однако, стараясь поддержать разговор, поинтересовался:

– Это, что ли, и есть Замок правителя?

– Он самый... – коротко бросил Шалай.

И тут у меня возник новый вопрос:

– Слушай, воевода, а почему вы Качея называете правитель? Если он в государстве главный, то он должен иметь какой-то более однозначный титул – король там или герцог...

На этот раз воеводина башка, засунутая в глухой шлем, повернулась в мою сторону и так долго разглядывала меня сквозь узкую прорезь, что я испугался, как бы Шалай не въехал куда-нибудь не туда.

Наконец он снова перевел взгляд на дорогу и глухо, гораздо глуше, чем до этого, пробормотал:

– Это ты у него спроси.

– А ты, значит, не в курсе? – закинул я удочку «на слабо».

– Скажу только, что у нас есть королева! А при существующей королеве может быть только правитель. Все остальное – государственная тайна, и не мне распространяться на эту тему.

Он помолчал, а затем чуть громче добавил:

– Я не политик!

– А королеву мы, значит, не увидим? – продолжал я цепляться к нему.

Он снова резко повернул голову в мою сторону, но на этот раз его взгляд был покороче. А его ответное бормотание можно было понять как:

– Может, и увидите, а может, и нет... Как получится...

Что получится, я не успел уточнить. Впереди что-то негромко гроыхнуло, и между нашим отрядом и приближающимся Заком поперек дороги протянулась ровная огненно-красная черта. Воздух над ней заколебался, словно от сильнейшего жара, и начал стремительно уплотняться.

– Вперед! Вперед!!! – с чудовищной силой рывкнул воевода и послал своего здоровенного жеребца наметом.

Весь отряд рванулся за своим предводителем, однако только лошади, оказавшиеся под членами Братства Конца, были способны держаться рядом с воеводским жеребцом. Краем глаза я заметил, что гвардеец, везший Фродо, начал заметно отставать от нашей группы. Чуть придержав свою лошадь, я позволил ему поравняться со мной и заорал хоббиту:

– Прыгай ко мне!

Но тот вцепился руками в гриву лошади и, прильнув к ее спине, казалось, меня не слышал. Зато сам гвардеец прекрасно расслышал мой крик и, что гораздо важнее, хорошо, видимо, представлял, чем грозит ему и Фродо отставание. Поэтому он на секунду бросил поводья и, ухватив хоббита за остатки одежды, главным образом за ремень, поддерживавший зеленые штанишки, оторвал его от лошади и швырнул в мою сторону.

Вы никогда не видели хоббита, летящего по воздуху между двух несущихся бешеным галопом лошадей? Можете поверить – это незабываемое зрелище!!! За эту секунду я испытал невероятное эстетическое удовольствие. Гораздо большее, чем сам Фродо, если судить по его воплю.

К счастью, бросок был безукоризненно точным, и свободный вопль Фродо оборвался неким натужным всхлипом, когда он опустился животом прямо на спину моей лошади.

Я бросил поводья и правой рукой уцепил Фродо за многострадальный ремень и, не заботясь об удобстве его езды, снова послал лошадь вдогонку за жеребцом воеводы. И она вновь смогла достать лидера.

Наша бешеная скачка длилась не более двух десятков секунд, но за этот короткий промежуток времени отряд успел растянуться на пару десятков метров. Так вот, проскочить над пламенеющей чертой удалось только первым семи всадникам!

Едва мы пересекли струящееся над чертой марево, как за нашей спиной что-то звонко лопнуло. Воевода, а за ним и те, кому удалось прорваться, стали постепенно умерять бег лошадей и через несколько метров совсем остановились. Оглянувшись, мы увидели, что струящаяся завеса превратилась в стеклянisto поблескивающую преграду, за которой никого не было. Только когда Шалай указал рукой, я заметил далеко, почти на горизонте, скачущий во весь опор остаток нашего отряда.

– Вот гад!.. Зеркало поставил!.. – глухо донесся из-под шлема голос воеводы.

– Какое зеркало?! – тут же пропыхтел лежащий перед моим седлом Фродо и раздраженно добавил, обращаясь уже ко мне: – Ну да посади же ты меня!

Я с удивительной легкостью приподнял хоббита и посадил его на лошадь «по-женски», обеими ногами в одну сторону.

Воевода не повернул головы в сторону «нелюди», однако ответом все же удостоил:

– Какое? Известно какое, магическое! Все, кто в нем отразился, отброшены за горизонт и даже не знают об этом. Скачут сейчас как ни в чем не бывало...

– Как это – как ни в чем не бывало?! – возмутился Фродо. – Нас же нет среди них! Что ж, они этого не видят?!

Из-под шлема раздался гулкий смешок:

– И мы с ними скачем... Вернее, наши тени. Все, кто сквозь Зеркало прошел, теряют свои тени.

Вся моя троица принялась оглядывать землю вокруг себя в поисках собственных теней и ничего не нашла. А малыш Фродо чуть придушенно поинтересовался:

– Навсегда?

– Нет, пока Зеркало стоит...

– Так давайте его разобьем! – радостно завопил хоббит.

Душегуб тут же поднял свою дубину и двинулся по направлению к стеклянной преграде. Однако его тут же остановил рев из-под шлема:

– Стой!!! Не приближайся к Зеркалу!!! – А затем, уже значительно тише, Шалай пояснил: – Это же не просто стекло, это магия! Ты что же думаешь, магическую вещь можно уничтожить простой дубиной?!

– Но ведь это Зеркало можно уничтожить? – мягко вступил в разговор я.

– Можно... – ответил Шалай, повернув в мою сторону разрез своего шлема. – Магией. Но для этого надо быть сильнее Епископа. В Искусстве...

И в этот момент по стеклянистой преграде прошла мягкая волна и на наших глазах из нее навстречу нашим скачущим по дороге гвардейцам выступили два всадника в серебристых рыцарских доспехах на вороных лошадях. Всадники держали в левых руках круглые выпуклые щиты, а в правых сжимали длинные копья.

Их появление настолько поразило меня, что я даже не сразу понял, что произнес воевода, и лишь через мгновение до меня дошел смысл сказанного:

– Именно этого я и боялся...

– Что происходит? – резко бросил я ему, начиная не на шутку раздражаться.

– Рыцари Храма не успевали нас перехватить. Поэтому Епископ удлинил с помощью Зеркала нашу дорогу и через него же перебросил рыцарей нам навстречу. Интересно, сколько их будет?..

Только сейчас я почувствовал в его голосе тревогу. Он явно опасался за своих людей. Но долг был для него все-таки важнее. Поэтому уже через мгновение он, коротко бросив:

– И все-таки Епископ опоздал! Рыбка-то ускользнула! – начал поворачивать своего жеребца в сторону Замка.

А из Зеркала на дорогу выехала еще пара рыцарей.

– Вперед! – приказал Шалай и уже собрался пришпорить своего коня, но я остановил его:

– Одну секунду, воевода!

Меня трясло от едва сдерживаемого бешенства, неизвестно откуда во мне поднявшегося. Трясло до такой степени, что было трудно разжать зубы, так что моя фраза получилась не слишком внятной. И тем не менее она остановила Шалаю.

– Я не собираюсь оставлять наших людей на расправу этим малознакомым мне рыцарям Храма! – все так же маловразумительно прорычал я. Затем я тронул свою лошадь и направился в сторону поблескивающего Зеркала. Когда до него осталось не более пяти метров, я тихо приказал Фродо: – Закрой глаза! – и медленно поднял левую руку, вцепившуюся мертвой хваткой в мой изузоренный посох. Как я не выпустил его во время недавней бешеной скачки, сам не пойму, но только он был со мной.

Слегка утолщенное навершие посоха оказалось на одном уровне с моим глазом, так что можно было подумать, будто я прицеливаюсь из невиданного оружия. И в этот момент все сжигавшее меня изнутри бешенство выбросилось через левую кисть в светлое древко, поднялось по нему вверх, и из деревянного шара, венчающего посох, в мерцавшее передо мной стекло ударил тонкий зеленый луч чудовищной энергии!

Раздался мелодичный перезвон, и стеклянистая преграда мгновенно покрылась множеством мельчайших трещин. В следующее мгновение она осыпалась тающими на лету осколками!

Надо сказать, что как раз в этот момент из Зеркала выбиралась очередная пара рыцарей. К сожалению для них, они были всего лишь на полпути к цели, и когда Зеркало рассыпалось, на дороге оказались только две, аккуратно обрезанные половины всадников – зрелище, надо сказать, крайне неприятное!

А вот гвардейцы Качея показали действительно поразительную выучку. Едва только на волшебном стекле появились первые трещины, они выдернули из ножен мечи и во главе со своим воеводой бросились на стоявшую поперек дороги четверку серебристых рыцарей. Осколки Зеркала еще не долетели до земли, а Шалай, его гвардейцы и прибившийся к ним Душегуб уже насели на противников, не давая им опомниться и пустить в дело свое длинное оружие. Собственно говоря, только один из рыцарей сумел шустренько уронить свое копьё и вытянуть из ножен меч, двое его партнеров были порублены в капусту, не успев выпустить бесполезных копий из пальцев, а один получил Душегубовым корневищем по макушке, от чего его шлем вмялся внутрь до самой шеи. Оставшийся шустрец тоже отбивался недолго – им занялся лично Шалай и управился за пару минут.

После этого побоища воевода подъехал ко мне, снял шлем и склонил голову в церемонном, но несколько неуклюжем поклоне.

– Гэндальф Серый Конец, я должен извиниться перед тобой!

Надо сказать, что после такого вступления я слегка растерялся и не сообразил, чтобы такое ему ответить. Но он и не ждал ответа.

– Я сомневался в том, что ты достоин носить звание волшебника, и подозревал в тебе самозванца! Только что ты рассеял мои сомнения, и я прошу у тебя за них прощения!

Он замолчал, продолжая держать свою голову склоненной. Краем глаза я заметил, как все три гвардейца, соскочившие с лошадей и нашаривавшие что-то в изрубленных доспехах рыцарей Храма, замерли, а затем выпрямились и уставились, вытаращив глаза, на своего воеводу. И тут до меня дошло, что Шалаю совсем не свойственно приносить кому бы то ни было извинения, а потому мне следовало как-то ответить на его выступление. Я выпрямился в седле, положил руку на плечо верного Фродо и с подобающим достоинством произнес:

– Ну что ж! Ошибаться может каждый, но далеко не каждый может вот так открыто и смело признать свою ошибку! Я, в свою очередь, был рад рассеять твои сомнения!.. Теперь твой доклад правителю Качею будет более полным и объективным!

Я хотел было протянуть ему руку для пожатия, но сразу же передумал – кто их знает, какое значение имеет для этих ребят подобный жест.

Воевода поднял голову, и его губы тронула едва заметная улыбка. Он медленно водрузил на место свой замечательный шлем и уже из-под него пророкотал:

– Не думаю, что Епископ успеет приготовить нам какую-нибудь новую гадость, но все равно нам надо спешить. Мы должны прибыть в Замок до ночи.

Для стоявших возле своих лошадей гвардейцев это было равносильно приказу. Через секунду они были в седлах, и мы двинулись дальше по дороге довольно спокойной рысью.

– Серый, ты не обратил внимание на одну странную вещь? – негромко спросил меня Фродо через пару минут, не поворачивая свою мохнатую голову.

– Какую именно? – так же негромко переспросил я. – Станных вещей произошло с утра достаточно много.

– Ты видел, как наши орлы разделались с этими самыми рыцарями?

– Ну?

– А крови-то не было ни капли!.. Когда Душегуб проломил этому серебристому башку, я даже глаза закрыл, думал, сейчас всю дорогу мозгами забрызгает. А из этого продавленного котелка ни кровинки не выступило. И Шалай своему супротивнику башку отсек, только каска по дороге забренчала, а крови опять же не было!.. А?

Признаться, я совершенно не обратил внимания на эти действительно необычные детали. Более того, если бы хоббит не задал свой вопрос, я над этим и не задумался бы. А сейчас мне стало как-то не по себе. Что ж там было, внутри этих серебристых доспехов?! Что же это за существа такие – рыцари Храма?!

Остаток нашего пути прошел без приключений, если не считать того, что отставшая часть отряда догнала нас уже буквально перед воротами Замка. И вид у них был довольно обалделый. Я понял, что когда мне удалось разбить Зеркало, мы, вернее, наши тени, исчезли у них на глазах и тут же образовались далеко впереди. Было от чего прийти в смятение.

Однако никаких расспросов со стороны отставших не последовало. Во-первых, в Качевой гвардии, как я понял, не было принято задавать вопросы старшим по званию, а во-вторых, мы уже въезжали на подъемный мост Замка.

Ворота Замка, собранные из огромных дубовых плах, окованных полосовым железом, при нашем приближении медленно, словно бы сами собой, распахнулись, пропуская нас в довольно мрачный двор. Напротив замковой стены, метрах в сорока от нее, высилось главное здание, вернее даже – дворец Замка, нависая над двором своими пятью этажами. По обеим сторонам от него стояли двухэтажные хозяйственные постройки. Таким образом, замковый двор представлял собой самый настоящий каменный колодец.

Мы соскочили с лошадей, причем мне пришлось помочь Фродо, и следом за Шалаем направились к центральному входу. Над высокими, узкими двустворчатыми дверями, при полном отсутствии ветра, тяжело развевалось атласное полотнище знамени. Мы все четверо остановились и одновременно посмотрели на это знамя. На ярко-зеленом фоне светился золотом поднявшийся на дыбы единорог. Золотой зверь был настолько чудесно вышит, что в мерном колыпании знамени казался совершенно живым.

– Я смотрю, вам понравилось королевское знамя... – раздался из дверей голос Шалая. – Однако нам надо успеть к правителю. До захода солнца осталось несколько минут, а после захода он никого не принимает!

Братство Конца тут же двинулось к дверям, привычно поделившись на пары – мы с Душегубом оказались впереди, а Эльнорда с Фродо за нашими спинами.

Миновав двери, мы оказались в большом, округлом зале с высокими, в два света, стенами, обшитыми темным деревом и украшенными великолепными шпалерами. Из середины зала вверх и к дальней круглой стене уходила беломраморная лестница, с такими же мраморными перилами на точеных столбиках. У дальней стены она делилась на два рукава, струящихся направо и налево вдоль стены и оканчивающихся небольшими круглыми балконами, на которые выходили чистые белые двери.

На третьей ступени лестницы в гордом одиночестве стоял крошечный человечек, можно даже сказать, карлик, в чрезвычайно ярком, вычурном наряде. Поверх ярко-красной шелковой рубашки на нем была надета короткая желтая курточка, расшитая многочисленными красными лентами и кружевами. Зеленые короткие, но очень широкие штанишки были также украшены лентами и кружевами, золотисто-желтого цвета. Желтые чулочки со стрелками удерживались зелеными муаровыми подвязками. На ногах у карлика красовались синие туфли на высоких серебряных каблучках.

Голова у этого существа была абсолютно лысой, зато на подбородке красовалась рыжеватая борода, напоминающая непомерно растолстевшую эспаньолку. При полном отсутствии усов она выглядела весьма пикантно. В левом глазу лысого карлы поблескивал монокль такого размера, что было непонятно, как он его туда смог запихнуть, зато правый глаз был крепко зажмурен.

Карлик стоял в вольной третьей позиции, сцепив коротенькие ручки на уровне пупка, и со скучающим видом рассматривал сквозь свою лупу настенные шпалеры.

Нас эта замечательная личность, казалось, совершенно не замечала.

Поскольку Шалай, увидев этого бородатого, близорукого и одноглазого франта, остановился не доходя до лестницы, мы с Душегубом остановились тоже. Ребята, выйдя из-за наших спин, остановились рядом с нами, и вся наша четверка уставилась на расписного малорослого аборигена. Рядом с ним наши не совсем обычные наряды казались весьма заурядными.

С минуту в зале висело молчание, а затем карлик перевел свой вооруженный взгляд на воеводу и немедленно заверещал тоненьким голоском:

– А-а-а! Шалайчик вернулся!.. Ну что, заарестовал этих пивохлебов? Или, может, им сбежать удалось?!

– А ты когда это успел в Замке объявиться?! – странно придушенным голосом поинтересовался воевода.

– Когда, когда! – передразнил его карлик и, не обращая на нас никакого внимания, включил свою пищалку на полную громкость: – Ты из Замка убрался – я и объявился! И сразу начал у всех выпрашивать: «А где это мой друг Шалаюшка? А куда это он подевался?!» И представь себе мое состояние, когда я узнал, что ты на особо ответственном задании! Что тебе надо с риском для жизни заарестовать и доставить немедленно живыми или мертвыми каких-то четырех злодеев, насмерть перепугавших Мала двенадцатого и выпивших все пиво в окрестностях Замка. Ну, Мал-то кузнечика увидит – перепугается, а вот за выпитое пиво с них надо спросить по всей строгости! Ишь ты, пива им в немереных количествах подавай! А как это пиво людям достается...

Этот хлыщ мог, видимо, бесконечно болтать по поводу выпитого моими друзьями пива, но в этот момент Душегуб шагнул вперед и грубо оборвал его монолог совершенно беспардонным вопросом:

– Это еще что за клоп в кружевах?!

Несмотря на то что карлик, как я уже говорил, стоял на три ступеньки выше нас, его макушка едва доставала Душегубу до пупка. Кроме того, на плече тролля покоилась его верная дубина. Так что по всем законам человеческой психологии «клоп в кружевах» должен был здорово испугаться. Однако этого не произошло. Напротив, карлик оглядел Душегуба презрительным взглядом снизу вверх, задумчиво погладил свою эспаньолку и, повернувшись к Шалаю, поинтересовался:

– Ты где откопал этого плюшевого верзилу?

Но воевода не стал отвечать на хамский вопрос карлы, а, словно опомнившись, шагнул на лестницу и коротко пробормотал:

– Не до тебя сейчас! Мы к правителю опаздываем!

И тут карлик шустро прыгнул в сторону, загораживая Шалаю дорогу, и пронзительно запищал:

– А вы уже опоздали! Я для этого здесь и поставлен, чтобы предупредить тебя. С докладом явишься завтра поутру, а заарестованных пивоманов – в правый флигель и по камерам!

– Как, сразу всех четверых? – задал воевода весьма растерянным тоном несколько непонятный вопрос.

– Ага! – с необъяснимой радостью подтвердил карлик. – Девку и мохноногого малыша в середку, а мохнатого дылду и старикана – по краям!

В то же мгновение Душегуб протянул свою огромную лапу и, ухватив карлика за шкирку, поднял его до уровня своего лица:

– Ты кого это девкой назвал?.. – ласково, почти шепотом, поинтересовался тролль у местного распорядителя.

Тот скосил оснащенный линзой глаз вниз, словно прикидывал расстояние до пола, потом снова пригладил свою бороденку и задумчиво, будто бы про себя, пропищал:

– Что, переросток шерстнатый, справился с маленьким да покалеченным...

Но это обращение Душегуба отнюдь не смутило. Он тряхнул своим кулаком так, что у карлика мотнулась голова и растрепалась эспаньолка, и повторил свой вопрос:

– Я тебя, вошь бородатая, спрашиваю: кого ты девкой назвал?

– Кто вошь, кто вошь?! – неожиданно заверещал карлик, дергая ручками и ножками. – Совсем, что ли, ослеп – не видишь, кого в лапе держишь! Так я тебе свою моноклю дам поносить! Нашел тоже вошь! Вот ручки! Вот ножки! Какая же я вошь!.. – А затем взвизгнул почти в ультразвуке: – А ну поставь меня сейчас же на ножки!!!

Могу сказать без преувеличения, что этот вопль потряс всех присутствующих. Даже Душегуба, хотя он и не показал виду. Наоборот, еще пару секунд подержав карлика в своей лапе, он угрожающе пробурчал:

– Если ты еще раз позволишь себе оскорбительное высказывание в адрес прекрасной Эльнорды, я тебя раздавлю, как самую настоящую вошь вместе с ручками, ножками, бороденками и моноклями!

И после этого разжал свой кулак.

Карлик камнем рухнул вниз с трехкратной высоты собственного роста. Однако у самого пола его падение резко замедлилось, и на глазах у изумленной публики он аккуратно встал на ноги. Но удивиться как следует он нам не дал, потому что тут же уселся на ступеньку, обхватил двумя руками собственную правую ногу, прижал ее к своей груди и завопил во всю силу своего фальцета:

– Ой-ой-ой! Зверюга безмозглая! Гризли говорящая! Шкура немытая! Чтоб из тебя мягкую игрушку сделали! Чтоб у тебя уши отпали! Сломал мне ножку! Ну совсем, гад, оторвал! Как я теперь с одной правой ходить-то буду! О-о-о, моя любимая левая ноженька! Съедят теперь тебя, отделенную от тулова, собаки!..

– Ногу поменяй, – прервала Эльнорда своим музыкальным голоском его причитания.

– Чего? – не понял карлик.

– Ногу, говорю, поменяй! – повторила Эльнорда. – По твоей версии тебе левую оторвали. Что ж ты правую нянчишь?

Вот тут карлик и растерялся. Он выпустил из рук оторванную ногу и принялся ее разглядывать через свою лупу. А Эльнорда повернулась к воеводе:

– Не знаю, где правитель взял этого недомерка, видимо, в каком-то бродячем цирке. Но он мне надоел! Не будешь ли ты столь любезен, не проводишь ли ты нас в отведенные нам казематы?

– Ну какие казематы, госпожа! – смущенно пробормотал Шалай и покосился на Душегуба. – Просто в правом флигеле расположены комнаты для гостей... Отдельные...

– В казематы их! – вскочил на ноги карлик. – А этого, шерстнатого, на цепи! Чтобы лапы свои загребушие не распускал! Ишь ты, моду взял, левые ноги отрывать! Эдак в королевстве скоро все без левых ног останутся!

Тролль зарычал и повернулся в сторону бесстрашного карлы, но тут уж я остановил его:

– Душегуб, оставь карлика в покое! Не видишь, он тебя специально провоцирует.

– Кто карлик?! Кто карлик?! – тут же переключился карлик на меня. – Думаешь, бородинцу отрастил, сразу всех оскорблять можно! Еще шляпу нацепил, старикашка длинномерный! Я, может, еще длиннее твоей бороду отпустить могу! А еще Конец называется! Еще разобраться надо, чей ты Конец! Еще...

В этот момент я не выдержал и щелкнул своими могучими пальцами. Карлик продолжал широко разевать свой рот, но больше ни звука не было слышно. Мы в полном молчании, но с глубоким интересом наблюдали за его попытками докричаться до нас. Наконец в растопыренном монокле глазу появилось недоумение, потом растерянность, а потом паника. Но своих беззвучных воплей карлик не прекращал. Физиономия его от натуги покраснела, и он уже практически не закрывал рта.

Именно в этот момент с верхней площадки лестницы раздался спокойный голос:

– Твист, прекрати орать! Ты мешаешь правителю!

Карлик мгновенно захлопнул рот, а его монокл вывалился из глазницы, открыв крошечный испуганный глазик. Голос между тем продолжал отдавать распоряжения:

– Воевода левой руки, ты недопустимо задержался. Немедленно отведи гостей в предназначенные им апартаменты и возвращайся к себе. Завтра утром у тебя доклад правителю.

Шалай молча развернулся и, махнув нам рукой, двинулся вправо, под лестницу.

Карлик сел на ступеньку и горестно подпер ручкой свою щеку.

Под лестницей оказалась малоприметная дверка, в которую и нырнул наш воевода. Мы последовали за ним и оказались в коридоре, едва освещенном настенными бра. Свечи в них были вставлены через один, и их слабые огоньки уходили вперед редкой цепочкой, пропадая в дальней темноте.

Однако, несмотря на царивший здесь полумрак, Шалай бодро затопал вперед, по-видимому, хорошо зная дорогу. Мы, выстроившись цепочкой, шагали следом за нашим провожатым. И снова получилось так, что впереди шел я, а замыкал нашу компанию Душегуб.

Станный это был коридор – голые оштукатуренные стены без единой двери или арки, без какого-либо намека на вентиляцию, и в то же время абсолютно чистый, словно только что выметенный и протертый мокрой тряпкой.

Впрочем, по этому бесконечному, полутемному коридору мы шли совсем недолго. Уже через пару десятков шагов Шалай остановился, что-то неразборчиво промычал себе под нос и ткнул пальцем в правую стену. Его рука провалилась в штукатурку по локоть. Воевода удовлетворенно хмыкнул:

– Нам сюда... – и исчез в стене.

Я, слегка заколебавшись, шагнул за ним и тут же остановился.

Мы с Шалаем стояли в небольшом уютном холле. Паркетный пол был застлан пушистым ковром, стены отделаны темным деревом и ткаными шпалерами. В потолке неярко светились два закрытых матовым стеклом светильника. Эта совершенно пустая комната имела четыре абсолютно одинаковые двери.

Тут меня несильно толкнули в спину и тонкий хоббитский голосок недовольно проворчал:

– Посторонись, другим тоже хочется пройти.

Я отступил на пару шагов, и в холл ввалились мои друзья, ничуть не удивленные столь необычным переходом.

Все трое стали немедленно озираться, разглядывая помещение, а Шалай сделал широкий жест в сторону дверей:

– Вот ваши комнаты. Как сказал правитель, крайние предназначены для тебя, Гэндальф Серый Конец, и уважаемого Душегуба, а средние – для госпожи и вашего маленького товарища.

Фродо недовольно покосился на воеводу, но промолчал. Мы с Душегубом оглядывали маленькую прихожую со все возрастающим недоверием. А эльфийка, не говоря ни слова, направилась к одной из средних дверей, открыла ее, заглянула внутрь и, встав в дверном проеме, помахала нам точеной ладошкой:

– Спокойной ночи, мальчики!

Дверь за ней захлопнулась. Мы переглянулись и также потянулись к дверям предназначенных для нас комнат. Краем глаза я заметил, как Шалай огорченно покачал головой и нырнул в настенный гобелен.

Комната, в которой я оказался, была не слишком велика, и значительную ее часть занимала большая, довольно высокая железная кровать, украшенная большими никелированными шарами. В дальнем углу красовался умывальный столик весьма распространенной дачной системы: емкость с водой над краником и емкость для воды под раковиной. Рядом с этим гигиеническим устройством располагалось и второе, весьма напоминавшее тюремную парашу. «Вот мы и в каземате...» – невольно подумалось мне.

С другой стороны кровати я обнаружил небольшой, похожий на журнальный, столик, на котором был накрыт весьма легкий ужин – несколько бутербродов с сыром и кувшин с пресловутым пивом. Даже кружки не было! Весь этот «каземат» освещался уже знакомым потолочным светильником.

Я уже заканчивал осмотр, когда моя слегка приоткрытая дверь захлопнулась и вполне явственно щелкнул запершийся замок. Подойдя к двери, я обнаружил, что внутренняя ручка отсутствует. Надо сказать, что и окна в комнате не было.

Усевшись на неудобную высокую кровать, я принялся за свой ужин, пытаясь хоть как-то осмыслить происшедшее за день.

Медленно сжевав четыре сухих бутерброда с пресным сыром и категорически отказавшись от пива, я так ни к чему в своих рассуждениях и не пришел.

Я не мог себе объяснить, каким образом после утренней попойки мои товарищи изменились таким кардинальным образом. Полностью, прошу прощения за каламбур, преобразились. Их внешнее обличье стало полностью соответствовать их игровым образам. Машеус так даже за весь день ни разу не изумился! А Паша! Он совершенно перестал чесывать голову под париком. И при этом вся троица воспринимала окружающее как нечто само собой разумеющееся! А ведь то, что нас окружало с самого утра, вообще ни в какие ворота здравого смысла не лезло. И ни на какую ролевую игру все происходившее совершенно не было похоже.

Тут мой взгляд упал на непочатый кувшин, и в голове взорвалось: «ПИВО!!!»

Конечно, наша встреча с Малом, его приспешниками и странными селянами произошла до достопамятной пьянки, но ведь ребята изменились как раз после пива! Ну точно, все изменения в них произошли на чердаке, пока они спали!

«Хотя стоп», – осадил я сам себя. Я-то пива не пил! Кроме того, мои манипуляции с собственным слухом и зрением, с непонятными энергиями и чужими воплями были весьма похожи на самое обыкновенное колдовство!

Я в раздражении дернул себя за мешавшую бороду и чуть не взвыл от боли.

Вскочив с кровати, я заметался по комнате в поисках хоть какого-нибудь зеркала, но ничего, что бы отразило мою физиономию, так и не нашел.

Чуть успокоившись, я с садистским удовлетворением подумал: «Какой классный клей мне достался...» и решил исследование бороды оставить на завтра.

«И вообще, утро вечера мудренее, – решил я, немного успокаиваясь. – Вот завтра проснемся у себя в палатке, а то, глядишь, и родной квартирке в Москве, и будем потом вспоминать этот странный сон...»

С этой успокоительной мыслишкой я скинул с себя свой замечательный костюмчик и, оставшись в тренировочном костюме, нырнул под одеяло. И стоило мне улечься, как свет на потолке погас и помещение погрузилось во мрак.

Однако проснулся я не в собственной московской квартире и даже не в шалашике, а в той же железной кровати. И разбудил меня совершенно чудовищный вопль, произведенный мелодичным эльфийским голосом.

Я выскочил из-под одеяла и, несмотря на кромешную тьму, в одно мгновение оказался около запертой двери. Вспомнив, что на ней нет даже ручки, я с яростью пнул ее ногой, и тут же в моей голове блеснула идея. Меня, правда, немного останавливала некоторая нескромность этой идеи, но следующий не менее душераздирающий вопль помог идее сформироваться в жгучее желание. А после этого мне оставалось только привычно щелкнуть пальцами, что я и сделал.

Под потолком слабо затлеели шесть матовых светильников. Настолько слабо, что я еле-еле разглядел стоявшие в ряд четыре железные кровати, на двух из которых, словно встревоженные суслики, восседали Фродо и Душегуб, а на третьей лежала, спрятавшись под одеялом с головой, Эльнорда. Я не знаю, почему я сразу решил, что под одеялом именно она, просто никого другого там не должно было быть.

Все это я смог мгновенно охватить взглядом, поскольку, как и было заказано, стены между нашими комнатами и холлом исчезли, и мы все четверо оказались в одном помещении.

Фродо очень быстро пришел в себя и, ничему не удивляясь, соскочил со своей кровати и подбежал к постели девушки.

– Ты чего визжишь на весь Замок?! – шепотом, но очень строго спросил он у спрятавшейся фигуры. Та завозилась под одеялом, и через мгновение сквозь приоткрывшуюся узенькую щелку блеснул огромный испуганный глаз.

Увидев стоящего перед ним хоббита, опоясанного неким подобием полотенца, глаз моргнул, и из-под одеяла выбралась довольно растрепанная белокурая голова нашей эльфийки. Она осмотрелась и облегченно прошептала:

– Ой, Фродушка, это ты! Какое счастье!

Потом, осмотревшись внимательнее, она слегка повысила голос:

– Ребята, а как вы все здесь оказались? Да еще вместе со своими кроватями?

И Фродо, и Душегуб, словно сговорившись, уставились на меня.

– Очень просто... – недовольно пробормотал я. – Ты так завизжала, что я с испуга развеял в пыль все стены внутри наших апартаментов! Теперь хозяевам придется проводить здесь капитальный ремонт!

– Вот как? – тут же запищал Фродо. – Шпалеры жалко... Красивые шпалеры на стенах были...

И он задумчиво почесал свою толстую щеку.

– В следующий раз, когда наша подружка завизжит, я постараюсь тщательно продумать, что уничтожить, а что пощадить! – едко заметил я, а потом, уже спокойнее, обратился к девчонке:

– Давай рассказывай, с чего это ты так верещала?

Эльнорда вздрогнула и принялась озираться вокруг. Не обнаружив ничего ужасного, она тихо заговорила:

– Меня разбудило какое-то странное прикосновение. Как будто по моей щеке провели легкой влажной тканью. А когда я открыла глаза, то увидела такое...

Она замолчала и оглядела наши напряженные лица.

– Вы только не смейтесь, но это было такое небольшое белое облако, напоминающее своей формой человеческую фигуру. – Она еще раз тревожно на нас посмотрела и добавила: – Женскую фигуру... И оно, это облако, вроде бы меня трогало...

– А оно, это облако, ничего тебе не сказало? – мягко поинтересовался Фродо, и блеск в его глазах мне очень не понравился.

– Сказало... – Эльнорда восприняла вопрос хоббита совершенно естественно. – Оно сказало: «Какая хорошенькая...»

– Ну что ж, я с этим облачком согласен, – тихо пробурчал Душегуб со своей кровати.

– Все ясно! – в полный голос пропищал хоббит и, развернувшись, затопал к своему спальному месту.

– Да? – живо откликнулась эльфийка. – И что тебе ясно?!

Фродо снова уселся на своей постели, прикрылся одеялом, выставив из-под него свои мохнатенькие ноги, и сообщил:

– Слуховые, зрительные и осязательные галлюцинации, сопровождаемые неудержимым визгом!.. Последствия нездорового образа жизни.

– Это какого такого образа жизни?! – сразу окрысилась наша красавица.

– А кто еще утром последний кувшин пива прикончил? Чужой, между прочим, кувшинчик! Так небось и вечером пивком побаловалась! А головка слабой оказалась, не выдержала нагрузки! Вот перевозбужденный алкоголем мозг и начал выкидывать фокусы! – Фродо, довольный своим диагнозом, оглядел компанию.

Однако компания восприняла его умозаключение в штыки.

Душегуб бодро соскочил со своей кровати и неслышным шагом направился в обход постельки Эльнорды в сторону хоббитского логовища, на ходу угрожающе ворча:

– Ты, мохноногий, брешешь на прекрасную девушку и за это получишь по харе...

Сама эльфийка тоже спустила ноги с кровати, прикидывая, чем бы прикрыться, и одновременно обращаясь к Фродо с благим обещанием:

– Щас я твою меховую башку на крепость проверю... Ты у меня не такие галлюцинации увидишь!

Но мне удалось остановить обоих мстителей буквально двумя фразами:

– А мне кажется, Эльнорда видела настоящего призрака. Помните, я с Портятой на эту тему беседовал...

Все трое замерли, вспомнив нашу беседу перед отъездом в Замок.

Через секунду последовал вопрос хоббита, сразу снявшего с обсуждения свое объяснение случившегося с Эльнордой:

– А что же нам теперь делать?

– Я предлагаю улечься и подождать, пока этот призрак снова появится. А потом с ним побеседовать... По-дружески...

Молчание – знак согласия, поэтому я решил, что мое предложение принято, вернулся в свою кровать и улегся, накрывшись одеялом.

Эльфийка и тролль, лишь мгновение поколебавшись, последовали моему примеру. Последним улегся Фродо. Ему, похоже, совсем не хотелось знакомиться с каким-то там призраком, но спорить с Братством он не посмел.

Стоило нам улечься, как свет в потолке погас, и мы снова оказались в темноте.

Несколько долгих-долгих минут ничего не происходило. Ребята, поначалу настороженно притихшие, принялись сперва ворочаться, укладываясь поудобнее, потом посапывать, а потом и похрапывать.

Впрочем, судя по доносившемуся сопенью и пыхтенью, заснули Фродо и Душегуб. Эльнорда лежала притихшая, но явно бодрствовала.

Мало-помалу и мои глаза начали слипаться. Я уже решил, что нашу молоденькую эльфийку и вправду мучают во сне кошмары, и, повернувшись на бок, совсем уже собрался заснуть, но именно в этот момент в нашей общей спальне раздался слабый стон.

Естественно, сон мой как рукой сняло. Я принялся таращиться в темноту и наконец заметил, как из потолка прямо над кроватью Эльнорды потекло слабое белесое сияние, действительно слегка напоминающее нечто облачное – туман или пар. Довольно быстро это сияние сформировалось в расплывчатую фигуру, вполне сходную с женской. Я бы даже сказал, с девичьей. Как только фигура полностью оформилась, снова раздалось:

– О-о-о-х! – на этот раз гораздо громче.

И тут же последовало растерянное восклицание Эльнорды:

– Ну вот опять!.. А эти... терапевты недоделанные уже спят!

На этот эльфийский вопль, произнесенный шепотом, со стороны облачка последовал незамедлительный ответ:

– Ну вот опять!.. Она опять не спит!.. – И после короткой паузы несколько растерянно:

– А если ее опять попробовать напугать, она снова завизжит!

– Конечно, завизжу! – обиделась эльфийка. – А зачем ты меня пугаешь?!

– Так ты же не спишь! – в свою очередь обиделось облачко. – Вот и приходится тебя пугать! Только почему ты визжишь?!

– А что же мне делать, если ты меня пугаешь?! – возмутилась эльфийка.

– Как что?! Падать в обморок! – ответила возмущением ее собеседница.

– С какой это стати? – Эльфийка села в постели.

Облачко скользнуло несколько в сторону от возмущенной девушки и замогильным шепотом, в котором, впрочем, явно читалась некоторая растерянность, пробормотало:

– Так я же тебя пугаю!.. У-у-о-о-х!..

Эльнорда в негодовании всплеснула голыми руками:

– Снова с вас по рубль двадцать!

– Как? – переспросило облачко.

– Ты хочешь, чтобы я визжать начала! – зло прошептала Эльнорда, не отвечая на предыдущий вопрос.

– Нет... – шепнуло в ответ облачко.

– Так что ж ты меня пугаешь!

– Ну, ты же не спишь, вот...

И облако замолкло, понимая, что их содержательный разговор поехал по третьему кругу. В комнате на секунду повисло молчание, но Эльнорда тут же нарушила его:

– А сурки эти спят! Потом опять скажут – галлюцинация!

– Спят только терапевты... – вмешался я в разговор со своим шепотом. – А психиатры все на посту...

– Ой, Серенький, ты не спишь!.. Ты его тоже видишь?! – страшно обрадовалась Эльнорда.

Зато облачко, растерянно шепнув:

– Ох, здесь еще кто-то... – метнулось к спасительному потолку. Однако я остановил его, грозно прошептав:

– Стой, Качеев призрак!

Облако замерло, наполовину срезанное потолком, словно жуткий призрачный сталактит, а затем медленно вернулось в комнату и так же медленно, даже, я бы сказал, угрожающе, двинулось в мою сторону. Подлетев почти к самому моему лицу, оно свирепо зашипело:

– Чей я призрак?!

И тут я увидел лицо. Призрачное, полупрозрачное, совершенно белое девичье лицо с тонкими, правильными чертами и огромными, широко распахнутыми глазами... без радужной оболочки и зрачков.

Может быть, кого-то этот призрак и мог испугать, а на меня его вид подействовал совершенно оглушительно. Внезапно я понял, что за этого призрака, за эту неземной красоты девушку я готов по капле отдать свою кровь или выпустить кишки любому, кто посмеет обидеть ее. А призрак между тем снова пошевелил изящно очерченными белыми губами, и я опять услышал шепот:

– Повтори, что ты сказал! Чей я призрак?

Я хотел ответить ей, но у меня в горле поселился какой-то пушистый комок, который никак не хотел ни выходить наружу, ни проваливаться внутрь моего организма. Может быть, я и попытался пошевелить губами, но толку от этого не было. А призрак упорно ждал ответа. И тут у него за спиной прозвучал совершенно спокойный шепот Эльнорды:

– Что ты привязалась к Гэндальфу? Оставь его в покое, я все тебе объясню.

И призрак тут же оставил меня в покое, метнувшись поближе к эльфийке.

– Так вот, – продолжила та. – Когда нас сманивали к правителю Качею, один странный монашек предупредил Серого, что в Замке имеется некий призрак. Причем этот монашек делал намеки в том смысле, что нам этого призрака надо опасаться... Опасный этот призрак, поняла? Вот Серый и решил, что ты и есть тот самый Качеев призрак.

Пока Эльнорда давала необходимые пояснения моим словам, комок в моем горле несколько рассосался и я смог, правда, с некоторым трудом, произнести:

– Прости меня, если я невзначай тебя обидел. Но судя по твоей реакции, ты не слишком жалуешь правителя Качея. Может быть, мы могли бы чем-то тебе помочь? Если ты расскажешь нам, что с тобой произошло...

Облачко медленно отплыло от эльфийки и приблизилось ко мне. Я снова увидел это незабываемое лицо. Только теперь на нем была написана такая душевная мука, словно своим вопросом я напомнил ей какую-то жуткую, какую-то невыносимо тяжелую историю.

Но постепенно черты лица разгладились. Оно вообще несколько расплылось и смазлось, как будто успокоившись. И после долгого молчания в комнате прозвучал тихий шепот:

– Хорошо. Я расскажу вам свою историю...

И снова последовало молчание. А потом шепот потек неостановимо и непрерываемо.

– Я – королева этой страны, Кина Золотая... – Призрак слегка запнулся и через силу уточнил: – Вернее, то, что от нее осталось. Я унаследовала престол после своего деда, которого называли Кин Синий. Моя мать умерла родами, а мой отец, Кин Зеленый, пропал без вести, когда мне не было и шести лет. Дед же дожил до семидесяти восьми лет и передал мне королевские регалии за два дня до собственной кончины.

Кроме королевства, этого замка и всего прочего, я унаследовала и его двор... В смысле, придворный штат. Первым советником Кина Синего был королевский канцлер, которого звали Ваго Качеев. Он стал и моим первым советником. Когда я стала королевой, мне было всего восемнадцать лет, и я считала, что раз уж люди верой и правдой служили моему деду, то и мне будут служить так же... Очень скоро мне пришлось убедиться в том, как сильно я заблуждалась.

Буквально через несколько дней после моей коронации у первого советника короны появился свой первый советник. Кто он был и откуда взялся, я не интересовалась. Когда он впервые появился на моем утреннем выходе, я спросила, что это за мерзкая рожа, и Ваго ответил мне, что это его советник и что я вижу его первый и последний раз. И он сказал правду! Потому что три дня спустя меня не стало.

Нет, меня не убили – по законам моей страны убийство верховного правителя карается немедленной и очень мучительной смертью. Причем смерть эта наступает вне зависимости от чьего-либо желания.

Видите ли, основатель нашего королевского рода, достопамятный Кин Цветной, был к тому же и очень могущественным волшебником. Именно он составил и привел в действие заклинание, которое карает смертью любого, замыслившего или исполнившего покушение на короля, а также любого, кто оказывал содействие в этом злодействе. Так что просто убить меня возможности не было.

Но эти два негодяя нашли средство обойти оберегающее заклинание. Они с помощью магии разделили мое тело и душу. Фактически меня не стало, но при этом я и не умерла!

Ваго, как первый советник короны, в отсутствие прямых наследников стал правителем королевства. Но только он дважды просчитался!

Во-первых, он не смог отыскать королевские регалии! А он очень рассчитывал найти их и провозгласить себя наследным королем. Имей он эти артефакты у себя, он вполне мог бы рассчитывать на то, что охранное заклинание сочтет его законным наследником. Но мой дед слишком часто, как первую заповедь, повторял мне, что никто в королевстве не должен знать местонахождения королевских регалий. Настолько часто, что я перепрятала их сразу, как только получила. И они не будут найдены никогда!

И во-вторых, его сообщник здорово его надул. После того как моя душа покинула тело, он вместо того, чтобы замуровать его в стене Замка, а именно это ему было приказано сделать, вывез его и спрятал в заранее подготовленной резиденции.

Вообще, как оказалось, этот советник советника подготовился к операции гораздо лучше своего хозяина. Поэтому теперь его называют Епископ, он имеет в своем распоряжении довольно мощную армию в лице рыцарей Храма и располагает королевским телом, то есть тоже имеет надежду узнать местонахождение королевских регалий!

Призрак умолк, и в комнате застыла тишина. За время его, вернее, ее рассказа я немного пришел в себя. Нет, я по-прежнему был готов отдать за Кину свою жизнь, однако сейчас я уже был способен мыслить гораздо хладнокровнее, поэтому у меня возникло несколько вопросов к королеве. Глуховато кашлянув, я приступил к допросу:

– Ваше величество не объяснило своего стремления во что бы то ни стало лицеизреть Эльнорду спящей или без сознания...

Призрак так же глуховато кашлянул, то ли передразнивая меня, то ли находясь в некотором смущении.

– Ну-у-у... – не торопясь начал он, и я понял, что сей бестелесный дух и вправду смущен. Поэтому я торопливо перебил его:

– Ваше величество вполне может сказать правду. Мы все пойдем правильно...

Дух недоверчиво хмыкнул, а потом словно про себя пробормотал:

– Раз уж я рассказала главное, то скрывать детали, видимо, действительно не стоит... Так вот, – продолжило это милое привидение уже для нас. – Дело в том, что душа, лишенная тела, субстанция крайне нестойкая. В течение буквально нескольких дней она истончается, обесцвечивается и затем совершенно растворяется... Пропадает! Поэтому, чтобы обеспечить ее достаточно длительную сохранность, необходимо давать ей возможность некоторое время проводить в живом теле.

– Так тебе нужно было мое тело! – вскричала Эльнорда. – Что ж ты прямо мне не сказала! Я сейчас постараюсь заснуть, а ты его займешь... На время моего сна...

– Я думаю, что все не так просто, – мягко перебил я Эльнорду. – Продолжайте, ваше величество...

Но призрак отвлекся от темы разговора.

– Что ты все меня «ваше величество» называешь?! – неожиданно придвинулся он ко мне. – Во-первых, я не так уж долго успела побыть королевой и не привыкла к своему титулу, а во-вторых, твой возраст вполне позволяет обращаться ко мне на «ты»!

Во второй части фразы я уловил легкий сарказм, вызванный непонятной обидой, и это меня тоже почему-то обидело.

– Во-первых, – немедленно ответил я, – тебе, ваше величество, к своему титулу все-таки необходимо привыкать! Ты же, безусловно, вернешь себе престол! А во-вторых, не настолько я и стар! А в-третьих, ты все-таки закончи свою мысль по поводу захвата призраками чужих тел...

Бедное привидение после этих моих слов буквально отпрянуло от меня, словно я сказал некую чудовищную непристойность. Однако через секунду, явно нехотя, продолжило свои пояснения:

– Я действительно поселяюсь в телах людей, которых приводит в эти комнаты правитель... Это позволяет мне пока еще сохраняться в более или менее приличном виде, я даже память практически не потеряла. Но чужое тело, или вернее будет сказать – тело, несущее чужую душу, – слишком быстро... амортизируется...

– Помирает... – проворчал я себе под нос, но это едва слышное слово привело призрак несчастной королевы просто в ярость.

– Да!!! Помирает!!! Да!!! Я эгоистична и ради сохранности своей души уморила уже несколько десятков человек!!! Только не вам меня судить!!! Вот когда окажетесь на моем месте, тогда и будете рассуждать!!!

– Ваше величество, – тут же вмешалась по-женски сообразительная Эльнорда, – не обращайтесь на Серого внимания. Просто у него, как у всякого инженера, есть идиотская привычка все уточнять и конкретизировать... Ты лучше объясни, почему не можешь долго находиться в чужом теле?

Призрак сделал несколько изящных кругов под потолком комнаты, причем у меня появилось впечатление, что он собирается броситься на меня. Как ни странно, я этому даже обрадовался, до того мне хотелось еще раз рассмотреть вблизи это прекрасное лицо. Однако она сдержалась и, зависнув над кроватью эльфийки, принялась растолковывать ей непонятную деталь, игнорируя мое присутствие. И тут я обратил внимание на то, что уже давно не слышу мерного похрапывания двух других своих друзей. Видимо, они пробудились и внимательно прислушивались к нашей беседе.

– Спящий человек или человек, потерявший сознание, – это просто тело, которое покинула душа. Вот вы думаете, что засыпаете от усталости, потому что телу нужно отдохнуть. А на самом деле отдых требуется душе! Именно душе необходимо хотя бы на короткий срок освободиться от этой телесной оболочки, чтобы набраться сил для последующей вещной жизни. И в это освобожденное от души тело вполне может вселиться другая душа. Душа, лишенная собственного тела.

– Хм, – еле слышно донеслось со стороны кровати, на которой притаился Фродо.

Призрак дернулся и, слегка отстранившись от постели Эльнорды, замолчал. С минуты в комнате царил тишина, а затем призрак продолжил свои рассуждения:

– Только тело бессознательно стремится отторгнуть чужую душу, как, впрочем, и любой другой орган, поставленный взамен утерянного. К тому же его собственная душа стремится занять свое законное место, и это еще сильнее воздействует на тело, разрушая его... – Призрак немного помолчал и задумчиво добавил: – Вот если бы у меня были близкие родственники, я смогла бы существовать в родственном теле очень долго... Почти год. И потом мне было бы легче обходиться некоторое время без телесной оболочки... А так мне в любом случае осталось не больше полугода...

И призрак замолчал надолго, мечтая, видимо, о родственном теле.

– Значит, Качей поставляет для тебя временные тела? – нарушил я ее раздумья своим очередным вопросом. – А зачем он это делает?

Призрак издал горестный стон, а потом тихо-тихо ответил:

– Он просто не дает мне пропасть... Ему больше не от кого узнать, где спрятаны королевские регалии, так что, поддерживая мое существование, он поддерживает собственные надежды на корону... И кроме того, он может подвергнуть меня пыткам только тогда, когда моя душа находится в теле... Хотя он вполне способен пытать и душу...

– Вот гад! – не выдержал Фродо.

Призрак на это высказывание прореагировал на удивление мягко. Лишь слегка повернувшись в сторону лежащего под одеялом хоббита, он ответил:

– Ради власти и богатств идут и не на такое... Вы бы знали, какие он придумывает для меня пытки... Два дня назад, например, он вызвал из небытия дух моего деда и на моих глазах развеял его в прах...

После этих слов Душегуб сел на своей кровати и прорычал:

– Пора с этим Качеем разобраться...

– Но ведь есть возможность вернуть тебе, ваше величество, ваше тело? – быстро задал я главный мучивший меня вопрос.

Призрак немного помолчал, а потом медленно двинулся в мою сторону. Приблизившись, он остановился так, что наши глаза оказались совсем рядом, друг напротив друга, и долго вглядывался в мои зрачки. Потом прекрасное, но лишенное красок лицо королевы Кины отодвинулось и она тихо пробормотала:

– Ты действительно не так стар, как хочешь казаться... – И только после этого достаточно громко ответила: – В принципе это возможно... Только надо сначала найти мое тело, а потом совершить ритуал возвращения души... Только при этом должны обязательно присутствовать оба злодея...

Чуть помолчав, она неожиданно добавила:

– Если бы я последовала второму совету своего деда, ничего подобного со мной, возможно, вообще бы не случилось!

– Какому совету? – тут же переспросил я.

– Больше внимания уделять изучению магии, – ответил призрак. – В Замке имеется самая большая в этой стране библиотека магической литературы и самый знающий хранитель этой литературы. Его зовут Твердоба, и он был поставлен на эту должность еще моим прадедом, хотя по его виду совсем не скажешь, что ему далеко за двести! Дед мне все время твердил, что Твердоба очень много знает и по-настоящему предан нашей семье. А я так и не успела обратиться к нему... Да нет, – перебила она сама себя, – не «не успела», а не захотела! Была совершенно уверена в собственной неуязвимости! Вот за это и поплатилась!

И в этот момент облачная фигура неожиданно колыхнулась и начала таять. А до нас донесся удаляющийся шепот:

– Рассвет близко... Мне пора вас покинуть...

И призрак растаял. Правда, для меня не окончательно. Перед моим мысленным взором застыло бледное, лишенное красок, но тем не менее прекрасное девичье лицо, и я прекрасно понимал, что теперь уже никогда его не забуду.

Душегуб соскочил со своей кровати, и над ним тут же слабо затлел светильник.

– Значит, так! – рубанул он воздух здоровенным мохнатым кулаком. – Завтра идем к этому самодельному прелату, забираем его и королевское тело, возвращаемся сюда, и эти два прохвоста немедленно сварганят этот самый возвратный ритуал!

– А если они не захотят? – резонно прозвучал тонкий голос хоббита.

– А если они не захотят, то я сделаю так, что ихним душам тоже некуда будет возвращаться. Я им обоим все ихние органы перепутаю, и у них обоих будет полное отторжение!

– Но королеве это вряд ли поможет... – вступила в разговор эльфийка.

Троль угрюмо засопел, словно мы собственными руками отняли у него двух злодеев. Вот только возразить ему на замечание Эльнорды было нечего, да и авторитет эльфийки среди тролльского состава нашего Братства был необычайно высок. Так что все мы замолчали и глубоко задумались.

Наконец я, на правах руководителя Братства, подвел черту под прениями:

– Самое главное – то, что мы хотим помочь Кине. Завтра мы пообщаемся с этим негуманоидом, Качеем, и, возможно, сможем выработать более толковый план действий. А сейчас нам надо поспать, я думаю, больше на наши тела никто покушаться не будет.

Мы снова молча улеглись. Свет погас, и мы... заснули.

Глава пятая

*Внутреннее содержание человека,
как правило, формирует его внешний вид.
Поэтому, если перед вами узкий лоб
и скошенная нижняя челюсть,
вы можете быть уверены, что
видите преступную личность...*
Старый учебник криминалистики

Мое утомленное сонным бредом сознание медленно выплывало из объятий Морфея навстречу славным трудовым будням. Первой, еще слабой, но все-таки достучавшейся до разума мыслью, была: «Это ж сколько мы вчера после игры выпили, что мне приснился такой цветной и энергичный сон?!»

И эта мысль наполнила меня удивлением пополам с восхищением. Удивлен и восхищен я был, естественно, самим собой, уникальным и неповторимым.

Следующая мысль значительно увеличила степень моего удивления, поскольку я понял, что помню свой чудесный, полный замечательных приключений сон очень отчетливо. Обычно после игровой гулянки мне снились всевозможные кошмары, похожие лишь одним – на следующее утро я их совершенно не помнил.

А поскольку этот замечательный сон я помнил прекрасно, то меня тут же настигла острая тоска, поскольку в моей памяти как живое всплыло бледное, да нет, совершенно белое, прекрасное лицо. Самое прекрасное из того, что я когда-либо видел в своей жизни и что я уже никогда не увижу.

Тут я понял, что проснулся окончательно и пора уже разлеплять глазки и тащиться в ванную к водным процедурам. Впрочем, не замедлил отметить мой пробудившийся мозг, чувствовал я себя на удивление бодрым и здоровым, а это также было несвойственно моему организму после воскресной игры и следовавших за ней мероприятий.

Так что я, придавив в себе тоску, с удовлетворением открыл глаза... и обнаружил, что лежу в полной темноте. Более того, каким-то шестым чувством я уловил, что нахожусь вообще не в своей родной двухкомнатной квартире и даже не в походной палатке.

Это меня слегка озадачило, так как нигде, кроме двух указанных мест, я себя обнаружить ну никак не мог. Третье возможное место – квартирка моей старинной подружки, Ритки Орловой, была для меня недоступна, так как подружка почти месяц назад вполне доходчиво объяснила мне наше коренное разногласие во взгляде на институт брака и просила ее больше не беспокоить...

В этот момент, не далее чем в паре метров от меня, кто-то тоненько, жалобно всхрипнул и зашлепал губами. Стоило мне услышать этот странный звук, как в голову пришла альтернатива: «Либо мой сон все еще продолжается... Либо это вовсе и не сон!»

И словно в ответ на мою несколько растерянную мысль, из темноты донесся чуть хрипловатый шепот Машеуса:

– Так, значит, это никакой не сон?

– С чего это ты так решила? – так же шепотом спросил я. – Может, это просто коллективный сон-галлюцинация?

– Нет... – задумчиво протянула девчонка. – Галлюцинация не будет храпеть и шлепать губами...

Я заметил, что хрипловатость из ее шепота исчезла, и в нем начинает проскальзывать музыкальность, свойственная... как бишь ее звали?... Эльнорде!

А она между тем продолжила свои размышления:

– И кроме того, если я обнаруживаю себя ночующей в одной... палате с тремя мужиками – это уже не галлюцинация, а бред озабоченной самки!

Ее голос перевалил порог шепота и значительно окреп. Теперь он еще больше был похож на музыкальную речь эльфов, который с таким трудом ставили себе все наши игры. А закончила Машеус свое выступление в полный эльфийский голос:

– Так что я склонна думать, что все происходит в натуре, а поэтому нам пора вставать и начинать разборку с нашим незнакомцем, Качеем.

Она, как заправская актриса сделав люфт-паузу, заорала как сумасшедший клавесин:

– Ребятки, подъем! Нас ждут великие дела!!! – и тут же соскочила с кровати.

Плафон над ее головой, словно ожидал именно этого поступка, плавно разгорелся и засиял в полную силу. В его мягком свете я определил, что покоюсь на неширокой кровати, на моей груди и животе покоится длинная белая борода, а рядом на стуле покоится мой серый балахон и островерхая широкополая шляпа. Рядом со стулом покоились огромные черные сапоги, из которых свисали беленькие портяночки. Все это почему-то весьма мало меня удивило, ну отдыхает в постельке Гэндальф Серый – эка невидаль! А вот то, что борода моя была аккуратно расправлена и, я даже сказал бы, расчесана, было действительно удивительно.

Эльнорда стояла под своим светильничком, элегантно задрапированная в шелковую простыню, и оглядывала «палату № 6» орлиным эльфийским взглядом. А по обе стороны от нее покоились (вот словечко привязалось) в кроватках хоббит – один, тролль – один. Оба похрапывали, невзирая на почти дневное освещение и звучный эльфийский призыв.

– Ты, подруга, лучше оденься, а уже потом поднимай наше нечеловеческое братство, – мягко посоветовал я, отворачиваясь к стене и аккуратно укладывая рядышком с телом свою бороду.

С минуту позади меня слышалось быстрое дыхание и «шуршание шелков», а затем раздался тихий мелодичный шепот:

– Готово!

Я вернулся в исходное положение и узрел Эльнорду в уже ставшем привычным зеленом наряде и даже с колчаном за плечами.

– Где бы здесь умыться? – поинтересовалась она оглядываясь.

– В моей бывшей комнате туалетное место было в дальнем левом углу, – быстро напомнил я.

Эльнорда тут же направилась к предполагаемому месту расположения моего умывальника.

– А в твоей комнате что, туалета не было? – едко поинтересовался я.

– А я что, помню, что там было? – индифферентно ответствовала эльфийка.

Стоило девчонке начать плескаться у раковины, как наш тролль оторвал голову от подушки и, не открывая глаз, хрипло прорычал:

– Что, уже пор-р-ра вставать?!

– И не надо так рычать... – тут же тоненько и очень недовольно донеслось из кровати хоббита. – Не надо мешать артисту восстанавливать свои угасшие силы...

Эльнорда уже успела вытереть свою посвежевшую мордашку приготовленным для меня полотенцем и, повернувшись к неумытым мужикам, мелодично скомандовала:

– Мальчики, подъем! Кто встанет последним, тому не достанется ни кусочка Качея!

– Да подавитесь вы своим Качеем! – визгливо промычал Фродо и тут же открыл глаза. – А что, уже завтрак подали?

– Ага, – бодро ответил я, вылезая из-под одеяла на покрытый ковриком пол. – И даже с твоим любимым пивом.

- Где пиво?! – рыкнул Душегуб, перекрыв все звуки в нашей общей спальне.
- Открой глаза – увидишь... – поддержала мой розыгрыш Эльнорда.

Тролль открыл один глаз и принялся крутить чуть приподнятой головой, отыскивая вожделенный напиток.

Поскольку я встал с кровати, светильник над ней тоже включился, однако по углам обширного зала, получившегося в результате моих поспешных ночных манипуляций, еще таились довольно плотные тени. Именно к ним и приглядывался страдающий от жажды тролль, поскольку на освещенном пространстве сосудов с освежающей влагой не наблюдалось. Фродо, уже вволю навертевший своей шерстяной головенкой, поспешил успокоить не до конца проснувшегося Душегуба:

– И не надейся, Душегубушка... Нет здесь никакого пива... Эти два жизнерадостных придурка нас разыграли...

- Зачем? – коротко поинтересовался тупой тролль.
- А чтобы весело было... – грустно подсказал ему хоббит.
- Кому? – еще короче переспросил Душегуб.

На этот вопрос у Фродо не нашлось ответа, и он только коротко вздохнул.

Самое странное, что тролль вполне удовлетворился этим вздохом, открыл второй глаз и с кряхтением пополз из постели. Приняв вертикальное положение, он еще раз удивил нас своим более чем двухметровым ростом и покрытым сплошной рыжевато-коричневой шерстью телом. Затем Душегуб неловко потоптался у кровати и направился к своему туалетному столику. Там он нагнулся и нашарил... огромный ночной горшок. Тут я с некоторым удивлением припомнил, что у меня в комнате стояла параша. Тролль между тем, ухватив сей интимный предмет своей мохнатой лапой за ручку, выпрямился и принялся растерянно озираться. Впрочем, его искания уединения длились недолго, уже через пару секунд он возмущенно заревел:

- Ну и куда мне прикажете с этим бежать?!

И он потряс над головой своей ночной посудиною, едва не расколов ее о потолок.

К этому моменту я уже успел умыться, накинуть свою серую хламиду, нацепить шляпу, натянуть сапожищи и вооружиться верным посохом. Посему я кивнул Эльнорде:

– Будем, подруга, взаимно вежливы, пойдем постоим в коридоре и дадим этим лежебокам одеться.

- А ты знаешь, где здесь коридор? – музыкально удивилась эльфийка.

– Да. Я, по счастью, заметил, из какой шпалеры мы выходили.

– Какой ты наблюдательный, Гэндальф, – снова удивилась девушка. – Прямо Шерлок Холмс напополам с Агатой Кристи...

Я не стал объяснять студентке третьего курса разницу между этими двумя персоналиями, а ухватил ее за тонкую руку и потащил к приметной шпалере. Через секунду мы уже стояли в коридоре.

Эльнорда только открыла рот, собираясь, видимо, задать свой очередной вопрос, как в дальнем конце коридора открылась дверь, через которую мы вчера попали в наши апартаменты, и перед нашими взорами появился вчерашний карлик, все в том же вычурном наряде. Увидев нас, он чуть ли не вприпрыжку бросился в нашу сторону.

Эльфийка удержала свой вопрос и, недовольно сморщив носик, ожидала приближения нашего вчерашнего знакомого, Твиста. А тот, подбежав к нам, скорчил самую наглую ухмылочку, на какую был способен, затем неожиданно склонился в глубоком поклоне и громко проверещал:

– Ваше величество! Что вы делаете в обществе этого чудного старикана, в то время как правитель с нетерпением ожидает вас в своих покоях!

Пушистая, как говорили раньше – соболиная, бровь Эльнорды недоуменно выгнулась, и эльфийка ответила своим музыкальным голосом с присущей ей прямоотой:

– Недомерок, тебе Душегуб вчера ногу оторвал или голову ушиб?! Ты с какой это стати простого сумеречного эльфа «вашим величеством» дразнишь?! В лоб захотел?!

Карлик распрямился, и на его физиономии взамен виденной нами ухмылки появилась некоторая растерянность.

– То есть как?! – невпопад промямлил он.

– Ну точно, Душегуб его вчера головой о ступеньку грохнул! – повернулась Эльнорда ко мне. – Просто мы не заметили... Ты понимаешь, что он лопочет?

– Эта... – продолжил коротышка свои невнятные расспросы, посверкивая моноклем то на эльфийку, то на ме-ня. – Разве ты не королева?.. Разве ты не Кина Золотая?..

– Слушай, ты, карапет одноглазый, – взорвалась Эльнорда. – Запомни раз и навсегда, меня зовут Эльнорда, и я – эльф из рода сумеречных эльфов! Если ты еще раз перепутаешь мое имя, я попрошу Душегуба, и он уронит тебя головой вниз еще раз, чтобы восстановить твои мыслительные способности!

– Но как же так?! – окончательно растерялся Твист. – А где же тогда королева Кина?

– Где ты ее позабыл, там и ищи! – пропела в ответ эльфийка. – И не приставай к мало-знакомым людям, эльфам, троллям и хоббитам со своими идиотскими поисками. Тем более, что никто из нас твоей королевы в глаза не видел!

– А ты в какой комнате спала? – задал карлик наглый вопрос.

– Что?! – прорычала в ответ Эльнорда совсем немusыкальнo и сделала шаг в направлении карлика.

Тот по-заячьи сделал скок в сторону, не рассчитав с прыжком и врезался в стену коридора. И тут Эльнорда схватила его за воротник.

– С каких это пор грязных карликов стали интересовать интимные подробности моей жизни? – зловеще-спокойным голосом поинтересовалась разъяренная девчонка.

Твист дернулся, пытаясь освободиться, но у Эльнорды были крепкие кулаки. Тогда карлик совсем сник и униженно заскулил:

– Дорогая госпожа, сумеречный эльф, я ни в коем разе не хотел произнести скабрёзность или тебя обидеть. Просто мне показалось, что воевода Шалай все перепутал, и ты спала в комнате, не предназначенной для тебя... Прости меня за невольную вольность...

Эльнорда внимательно посмотрела в его скорбную физиономию, потом перевела взгляд на меня и задумчиво спросила:

– Врет?..

Я отрицательно покачал головой. В общем-то мне давно стала ясна подоплека поведения наглого карлы. Он решил, что ночью призрак королевы занял тело Эльнорды, поэтому обратился к девушке именно таким образом. Догадался я и почему правитель Качей «с нетерпением» ожидает ее в своих покоях.

В этот момент за стеной раздался еле слышный рев тролля:

– Ты же сказал, что знаешь, за какой шпалерой выход?!

Видимо, хоббит, пытаясь выйти вместе с троллем из нашей спальни, ошибся шпалерой. А тролль, вместо того чтобы аккуратно попробовать предложенное Фродо место выхода, направился туда слишком энергично.

Опасаясь, что Душегуб устроит Фродо разборку, я сделал Эльнорде знак подождать минутку, а сам нырнул сквозь стену обратно в комнату. И, как оказалось, вовремя. Фродо, пятясь, отступал от разъяренного Душегуба, который с остервенением тер покрасневший лоб. Ухватив нашего малыша за плечи, я направил его в сторону выхода и, бросив троллю:

– Давай скорее... – снова нырнул в коридор. Через секунду мы все трое уже стояли рядом с Эльнордой.

Душегуб, увидев карлика, прижатого к стене энергичной эльфийкой, мгновенно забыл о провинившемся хоббите и радостно зарычал, проглатывая гласные:

– Гляньте-ка! Эльнорда карлика поймала! Шчас мы его на завтрак съедем!

Бедный Твист задергался всем телом, пытаясь высвободиться из цепкого девчачьего кулака, но это ему никак не удавалось. А Душегуб медленно и неотвратно приближался к бедняге, плотоядно ухмыляясь и заблаговременно цыкая зубом.

И тут карлику пришла в голову светлая мысль, которую он сразу же озвучил:

– Не надо меня есть! Не надо!.. Я уже неделю не мылся и три дня не ходил в туалет!.. Кроме того, у меня разлитие желчи и чесотка!.. Я лучше отведу вас в столовую, там уже давно приготовлен стол для дорогих гостей правителя!

Душегуб остановился и, склонив голову набок, принялся размышлять. Мы втроем спокойно ожидали его решения, а Твист ожидал того же с явным трепетом. Наконец тролль посмотрел на Эльнорду и неуверенно спросил:

– А может, мы сначала карлу сожрем, а потом пройдем завтракать?

– А кто нам дорогу в столовую покажет? – ответила вопросом на вопрос эльфийка. – Ты что, хочешь, чтобы мы полдня по Замку бродили?

– Никто не покажет! – тут же заверещал несчастный карлик и для пущей убедительности энергично закивал головой, от чего его замечательный монокль вывалился из глазницы и заболтался на шнуре.

– Ну vedi... – с тяжелым вздохом согласился тролль и тихонько прибавил: – А до столовой доведет – тут я его и схавую...

Карлик, явно не понимая значения последнего слова, но чувствуя в нем угрозу собственному здоровью, вздрогнул, заозирался и, наконец, заскреб ногами по полу в сторону выхода из коридора. Эльнорда двинулась в том же направлении, а мы направились следом. То, что карлик оказался между мною и эльфийкой, несколько прикрытый нами от страшного тролля, немного его успокоило, но он продолжал напряженно прислушиваться к тихому ворчанью Душегуба, топавшего за нами. А тот, приобняв за плечи хоббита, делился с ним своими соображениями:

– Вообще-то карликов надо на цепочке водить, а то они сразу стараются смыться. А вот когда он на цепочке, он уже никуда не денется. И жарить их гораздо проще, подвесил на цепочке над костром, двадцать минут и карлик готов. Только не забыть посолить. Несоленные карлики невкусные...

– Да, на цепочке, конечно, сподручнее, – поддакнул кровожадный хоббит, тоненьким голоском и огорченно добавил: – Только где ж здесь цепочку взять?

– А у меня с собой есть... – успокаивающе прогудел тролль.

Я бросил назад короткий взгляд и увидел, что Душегуб демонстрирует Фродо длинную цепочку, явно демонтированную со сливного бачка какого-то древнего унитаза. Цепь длиною больше метра была хорошо ухожена – она ярко блестела, словно ее отхромировали, с одной стороны к ней был приделан такой же блестящий карабин, а с другой она заканчивалась отполированной деревянной рукояткой. Откуда Душегуб достал это ювелирное изделие, мне было совершенно непонятно. Скорее всего в напаянной на него шкуре имелись карманы, где он и хранил свои сокровища.

Надо сказать, что приятельский разговор наших друзей чрезвычайно стимулировал малыша Твиста. Он тянул Эльнорду, как торопящаяся во двор собака тянет своего хозяина.

Очень скоро мы оказались в круглом холле и устремились вверх по роскошной белой лестнице. С площадки второго этажа Твист ринулся по толстому, заглушающему шаги ковру в глубь коридора, к тяжелому дубовому полотнищу двери и, толкнув его, втоптал нас в великолепную столовую.

Посреди большого зала, отделанного светлым деревом и шелковыми гобеленами светлых тонов, стоял массивный дубовый стол, за которым без труда могло разместиться человек двадцать. Стол окружали стулья с высокими прямыми спинками, обитые плотной светлой тканью. Одна стена зала имела три больших полукруглых эркера, в которых стояли небольшие круглые столы. Каждый стол был окружен четырьмя стульями. Вдоль противоположной стены стояли большие дубовые буфеты, посверкивая хрусталем, фарфором и серебром выставленной в них посуды.

Окинув этот роскошный зал одним быстрым взглядом, я обратил внимание на то, что один из эркерных столов действительно был сервирован для завтрака. Однако сервировка была сделана для трех человек! И тут раздался сначала визгливый крик Твиста:

– Шорм! Опять ты все напутал! Гостей четверо, а ты накрыл на троих! Немедленно поставь еще один прибор! – А затем его же торопливый шепот: – Госпожа, отпусти мой воротник! А то я буду неприлично выглядеть в глазах прислуги!

Эльнорда, пораженная великолепием столовой залы, рассеянно разжала пальчики, и юркий карлик резво отскочил от нее сразу метра на три.

Сзади послышался разочарованный вздох Душегуба:

– Ну вот, удрал!.. Я же говорил, на цепь надо карликов сажать...

В тот же момент открылась малозаметная дверка в дальней стене зала, и из подсобного помещения выплыл огромный, лишь немногим уступающий в росте Душегубу, толстяк в простом зеленом халате, зеленой же шапочке и с подносом в руках, затянутых в тонкие нитяные зеленые перчатки. На подносе стоял еще один столовый прибор.

Карлик Твист коротко одернул свою курточку и, чувствуя себя в относительной безопасности, громко завопил:

– Шорм, накорми гостей правителя, а я пойду доложу о выполнении своей миссии.

И карлик едва не бегом бросился к выходу из столовой.

Впрочем, мы почти не обратили внимания на его бегство. Нам вдруг стало ясно, что мы очень давно ничего не ели или ели слишком мало. Так что уже через секунду мы разместились за сервированным столом, и нам сразу же начали подавать завтрак. Самый обычный завтрак – яичницу с салом, еще скворчащую кипящим жиром, белый мягкий хлеб, нарезанный тонкими ломтиками и уложенный на широкой хлебнице, желтое жирное сливочное масло в двух больших фарфоровых масленках, огурчики и помидорчики, нарезанные отдельно. Кроме того, в большие широкие чашки, стоявшие рядом с каждой из тарелок, достопочтенный Шорм налил густой, пахучей жидкости, весьма походившей на растопленный горьковатый шоколад.

Мы молча, даже с каким-то остервенением, набросились на еду, и лишь краем глаза я заметил, что стоявший рядом с нашим столом здоровяк Шорм довольно улыбается, наблюдая за тем, как мы поглощаем поданную нам еду. Когда первый голод был утолен, на столе появились мелкие сладкие пирожки и печенье, а налитый в новые чашки шоколад имел уже сладковатый привкус.

Эльнорда, схрумкав всего одно печенье, откинулась на спинку стула и довольно пропела:

– Ну что ж, по крайней мере голодом морить нас здесь не собираются!

Душегуб поднял на нее удивленный взгляд. Его рот был до отказа забит сладостями, и поэтому сказать он ничего не мог, но в его глазах явно читался вопрос: «Кто бы это позволил себе такую смелость – попробовать поморить меня голодом».

Зато шустрый хоббит, быстренько прихлебнув из здоровенной чашки, вытер перемазанные губы и пропищал:

– Хотел бы я посмотреть на того, кто попытается морить голодом Душегуба!

Душегуб удовлетворенно кивнул и что-то нечленораздельно, но явно одобрительно промычал. Я лишь молча улыбнулся, наблюдая за своими насытившимися друзьями.

Именно в этот момент широкая дверь, через которую мы попали в столовую, распахнулась, и в это царство желудка вступила целая компания.

Первыми вошли два высоких гвардейца, одетых в уже виденные нами легкие доспехи, и встали по обеим сторонам от двери. Затем в дверном проеме застряли двое высоких статных стариков в роскошных шелковых камзолах с широкими орденскими лентами через плечо. Потолкавшись и попрыгав, они проникли в столовую и также разошлись в разные стороны от двери. Прошло несколько долгих секунд, и вслед за этими местными вельможами в дверь стремительно проковылял невысокий, корявенький мужичонка, одетый в темно-коричневый, мешковато на нем сидевший камзол и такие же коричневые широкие штаны. На его ногах красовались довольно стоптанные туфли с ярко блестящими металлическими пряжками. На груди коричневую ткань камзола оттягивал здоровенный, усыпанный блестящими камешками орден.

Признаться, увидев эту странную фигуру, я слегка оторопел. Шагал этот мужик очень уверенно, по-хозяйски, но его внешний вид никак не соответствовал моим представлениям о правителе целой страны.

А этот тип между тем стремительно пересек обеденную залу и оказался рядом с нашим столом. Из-за его спины тут же выскочил наш знакомец Твист и оглушительно заверещал, тыкая своим крошечным пальчиком в Душегуба:

– Правитель, вот этот самый верзила хотел меня съесть!.. Он... он рычал на меня и предлагал тащить меня на цепи, чтобы поджарить над очагом!.. У него и цепь уже приготовлена, он вот этому коротышу показывал. – Карлик мотнул своей башкой в сторону Фродо. – Хвастался, что он по пять таких, как я, за раз съедает! Он даже меня посолил и два раза укусил, говорит, попробовать надо!..

– Где это я тебя укусил?! – перебил его Душегуб своим мощным рыком. – А ну, покажи!

Но карлик совершенно не смутился, присутствие правителя, видимо, вселяло в него уверенность.

– Я не могу показать укусы!.. – тут же продолжил он свои вопли. – Я не могу обнажать перед правителем интимные части моего тела!.. Но вот этот дед, – на этот раз он мотнул башкой в мою сторону, – может подтвердить, что ты меня кусал... И девка тоже подтвердит! – нагло проорал карлик.

Впрочем, я очень мало внимания обращал на наглые ябеды карлика. Меня гораздо больше занимала физиономия типа, которого Твист называл правителем.

Под гладко прилизанной темненькой стрижечкой «каре», сама тщательность укладки которой наводила на мысль о парике, едва виднелась узкая, матово-белая полоска лба. Тяжелые, выдающиеся надбровные дуги, украшенные густыми, кустистыми бровями, нависали над маленькими, непонятного цвета, шустро бегающими глазками. Кончик плоского, приплюснутого носа был вздернут так, что можно было лицезреть волосатые ноздри. И без того тонкие губы были плотно сжаты, словно их хозяин боялся ляпнуть глупость. Правда, только «утонченность» очертаний рта позволяла хоть как-то мириться со скошенной назад нижней челюстью, почти незаметно переходящей в хрящеватый выпуклый кадык. Мой опыт физиономиста ясно мне сигнализировал: «Законченный мерзавец!», а здравый смысл добавлял: «И как Кина могла верить такой роже!»

Владелец столь импозантной внешности тоже не обращал внимания на вопли своего клеветника и даже порой морщился от его слишком визгливых пассажей. Внимание правителя было сосредоточено на нас. Его малюсенькие глазки, быстро обшарив наши лица, пристально уставились на нашу прекрасную Эльнорду. Казалось, он старался проникнуть в ее

разум и лично убедиться, что под этим спокойным ликом не скрывается душа несчастной королевы.

Эльнорда немедленно обратила внимание на прощупывающие взгляды хозяина Замка и, подняв на него свои прекрасные глазницы, недовольно сморщила носик:

– Обшаривать честную девушку такими сальными глазенками крайне неприлично... Даже если тебе не повезло и твое имя Качей...

Однако правитель полностью игнорировал замечание эльфийки и, пробормотав словно бы про себя:

– Так, так, так... – громко, хрипловатым, словно простуженным (или пропитым) баритоном, спросил:

– Как спали, гостюшки дорогие?

При этом он продолжал пристально разглядывать Эльнорду.

– Вот хамло глазастое! – не отвечая на вопрос правителя, воскликнула та. – Ну прям раздевает глазами!

– Что ты, красавица, – откликнулся правитель, не отрывая глаз от нее. – Я просто не могу отвести глаз от твоего неповторимого лица...

Душегуб тут же перестал жевать. Его огромное тело напряглось, а на щеках вздулись желваки.

– Я и говорю, пора бы уже отвести свой сальный взгляд в сторону, – мелодично схамила эльфийка. – А то можно и в морду от моих друзей схлопотать...

Троль посчитал это высказывание Эльнорды командой к действию и начал медленно выбираться из-за стола.

– А можно поинтересоваться у прекрасной, но такой строгой незнакомки, как она почивала? – ничуть не смутившись, поинтересовался правитель.

– Прекрасно... – коротко ответила эльфийка.

– И тебя никто не побеспокоил? – не отставал Качей.

– Что ты имеешь в виду? – несколько угрюмо переспросила девушка.

– Ну... – Правитель несколько замялся, подыскивая слава. – Может быть, ночью тебе показалось, что кто-то в твоей комнате есть?

– Ты что, про привидение, что ли, спрашиваешь? – задала прямой вопрос Эльнорда и, видя, что Качей от такой прямоты несколько растерялся, громко добавила: – Так его Гэндальф развеял! Вместе со стенами...

У Качея после этих слов буквально отвалилась челюсть. Твист, пытавшийся привлечь внимание правителя к своей невысокой особе, непочтительно дергая его за рукав камзола, замер, снова выронив из глазницы свой монокль. В столовой повисла растерянная тишина. Лишь через несколько секунд правитель смог прохрипеть:

– Как, то есть, развеял?.. Э-э-э, с какими стенами?..

– Да очень просто! – невозмутимо ответствовала Эльнорда. – Ночью в мою комнату заваливается какое-то странное облачко, заявляет, что оно – призрак, и начинает меня пугать! Я, конечно, завизжала, а наш руководитель, – она плавно повела своей изящной ручкой в мою сторону, – отреагировал немедленным и чрезвычайно страшным заклинанием. В результате и привидение, и стены между нашими комнатами, и кое-какую ночную посуду просто разметало в пыль...

– В пыль... – задумчиво повторил маленький Твист, но возглас правителя вывел его из этой задумчивости.

– Твист, марш в комнаты гостей, посмотри и доложи!..

Карлик, позабыв все свои ябеды, развернулся и помчался прочь из столовой. А Качей снова уставился на нас своими маленькими глазками, постепенно приходя в себя.

– Мне будет очень жалко, если ты, моя красавица, сказала мне правду... – гораздо спокойнее прохрипел он. – Дело в том, что это призрак нашей бывшей королевы, а она была очень дорога для меня...

– Кто? Королева или ее призрак?! – жестко уточнила Эльнорда.

– И сама королева и, конечно, ее призрак, – совершенно спокойно ответил Качей. – Я слишком сильно был к ней привязан и с большим трудом смог пережить ее гибель. А этот призрак стал для меня воплощенной памятью о моей королеве...

Его глазки испытующе обежали наши лица, проверяя, насколько мы ему верим. И, видимо, он не совсем удовлетворился результатами этой проверки.

– Значит, ваша королева погибла? – вступил я в разговор.

– Я думаю, да... – ответил Качей, поворачиваясь ко мне всем туловищем. – Правда, тело ее не было обнаружено, но, сами понимаете – если в Замке появился ее призрак, значит, сама она вряд ли жива...

– А тело, значит, так и не нашли? – задал я вопрос совершенно безразличным тоном, на самом деле расставляя Качею простенькую ловушку.

– Нет... – с хриловатым вздохом подтвердил тот. – Я сам хотел бы увидеть тело нашей бедняжки... И не подумайте, что мной движут низменные, меркантильные интересы – мол, предъявит подлый Качей тело и сразу устроит собственную коронацию... Мне действительно хотелось бы удостовериться в ее смерти... А еще больше в том, что она все-таки жива...

– Так мы можем помочь в осуществлении твоего желания... – перебил правителя наш сообразительный Фродо, правильно угадав мой замысел.

От такого неожиданного и необычного предложения Качей вновь растерялся. Вот такие ему на этот раз попались гости – каждым своим словом ставили его в тупик. Но на этот раз он придумал достойный ответ гораздо быстрее, видимо, начало сказываться общение с нашим Братством.

– Но с момента исчезновения королевы прошло уже почти полгода... – словно в сомнении протянул правитель и зачем-то потрогал свой орден. – Вряд ли даже самый опытный маг сможет нащупать столь слабый след королевы...

– А наш Гэндальф Серый Конец не маг! – самодовольно улыбнулся толстощекий хоббит. – Он Магистр обеих магий и Апологет неявных метаморфоз!

Фродо с гордостью посмотрел на меня, но горд он был безусловно собой. На его довольной роже крупными буквами было написано: «Каково я завернул!!!»

Мне же пришлось поддерживать его «гениальную» выдумку. Я сосредоточенно нахмурил лоб и медленно произнес:

– Ну... Сразу я сказать ничего не могу... – Правитель облегченно вздохнул, но его облегчение было недолгим, поскольку я тут же прибавил: – Кроме того, что тело королевы не уничтожено, а значит, может быть найдено... Живым, полуживым или неживым...

И тут мне пришла в голову, на мой взгляд, интересная мысль, которую я сразу же и озвучил:

– Чтобы точнее обрисовать ситуацию с королевским телом, мне необходимо кое-что посмотреть в королевской библиотеке!

И чтобы несколько успокоить сразу насторожившегося Качея, я добавил, словно бы извиняясь:

– Я слишком давно не занимался пропажами...

– А что, ты разве специалист по пропажам?! – заинтересовался правитель.

– Ха! – воскликнул я. – Да мне нет равных по розыску всевозможных пропаж! Шерлок Холмс и Эркюль Пуаро бледнели от зависти, когда при них называли мое имя!

Качей наверняка не знал ни первого, ни второго из названных мной авторитетов, а посему многозначительно покачал головой, после чего выступил с новым меркан– тильным предложением:

– Тогда, может быть, ты попробуешь заодно отыскать три неких предмета, которые находятся в Замке, но как-то странно затерялись...

– Что значит – находятся в Замке, но затерялись? – недоверчиво переспросил я, уже зная, о чем пойдет речь.

– Ну... Так получилось, что я не уследил и эти предметы куда-то... припрятались...

Да! Качей явно не был готов к такому разговору. Уж слишком корявыми были его объяснения. Но я не стал акцентировать внимание на его неубедительности. Вместо этого, сделав вид, что не имею оснований сомневаться в его правдивости, я строго спросил:

– Но хотя бы назвать и обрисовать эти предметы ты можешь?!

– О, конечно! – радостно подтвердил Качей и принялся торопливо объяснять: – Во-первых, это кольцо! Такое тоненькое золотое колечко с небольшим голубовато-прозрачным камешком. Должен предупредить, что на внутренней части колечка имеется надпись, которую ни в коем случае нельзя читать... Иначе могут произойти самые непредсказуемые вещи. Во-вторых, пояс... Я, к сожалению, не могу точно сказать, как он выглядит, потому что он может быть и девичьим поясом, сплетенным из цветной кожи, и рыцарским поясом с серебряным набором. Но этот пояс откликается на имя...

Тут правитель запнулся и его маленькие встревоженные глазки еще раз обежали наши лица. Затем он облизнул свои исчезающе тонкие губы и наконец произнес имя:

– Кина...

– То есть как откликается?! – воскликнул я, давая в себе горестный вздох.

– Ну как... Когда рядом с этим поясом говорят «Кина», он отвечает: «Я».

– Лихо! – вмешалась в наш разговор молчавшая до этого момента Эльнорда. – А может, он и на мое имя откликнется?

– Вряд ли! – коротко, но очень едко бросил в ее сторону Качей, опасаясь, что разговор о пропавших королевских регалиях уведут в сторону. Но он напрасно таким некуртуазным образом реагировал на замечание эльфийки, поскольку в разговор тут же вмешался тролль. Поднявшийся со своего стула в самом начале разговора Душегуб так и стоял, внимательно слушая нашу беседу. Стоял совершенно молча и неподвижно, так что, несмотря на его гигантские размеры, все совершенно перестали обращать на него внимание. Однако, когда, по его мнению, к Эльнорде обратились недостаточно почтительно, он немедленно вмешался.

– А чем это так плохо имя Эльнорда, чтобы какой-то говорящий кусок кожи его игнорировал?! – прорычал Душегуб, делая шаг в направлении правителя. В его глазах, в предвкушении разборки, загорелся радостный огонек. Но здесь правитель повел себя вполне достойно. Внимательно взглянув на изготовившегося к драке Душегуба и оценив его рукопашные возможности, он как можно спокойнее ответил:

– Дело не в каком-то там привередливом куске кожи. Дело в заклитии, наложенном на этот кусок кожи. Заклיתие таково, что пояс откликается только на два имени: Кин и Кина...

– Так на какое же имя откликается твой кусок... то есть твой пояс?! – снова перевел я всеобщее внимание на себя. – Кин или Кина?

Правитель с явным облегчением повернулся в мою сторону, видимо, из всего нашего Братства самым вменяемым он признал меня:

– В настоящее время он откликается на имя Кина.

– Я не очень понимаю, какие сложности с этим поясом? – чуть подумав, пожал я плечами. – Надо просто походить по Замку, по всем его закоулкам и громко покричать: «Кина, Кина...», пояс и найдется.

– Не все так просто... – замялся правитель. – Дело в том, что пояс откликается только в том случае, если обращаются непосредственно к нему, а кроме того, надо сразу дать ему поручение, иначе он снова может исчезнуть.

– Ага!.. – скорчил я понимающую физиономию. – С поясом мне все ясно. А каков же третий предмет?

– Третий предмет – это меч... Его рукоять обвивает змея – кобра. Голова и капюшон кобры образуют гарду меча. А глаза у этой кобры сделаны из рубинов... Небольшие такие камешки, но глаза, как живые... – Тут правителя слегка передернуло, словно он воочию увидел эти змеиные глаза, и он замолчал. Потом он снова облизнул губы и быстрой скороговоркой, как что-то незначительное, добавил: – Если ты найдешь меч, его ни в коем случае нельзя брать в руки... – и с большим недоверием посмотрел мне прямо в глаза.

Поскольку за все время общения с этим мерзким типом он впервые отважился на такой взгляд, я понял, как важно то, что он сейчас сказал. Поэтому, презрительно скривив губы, безглаголиво пробормотал:

– Мое оружие – слово и жест! Грубое железо меня мало интересует.

В глазах правителя мелькнуло некоторое облегчение.

– Вот и все... – продолжил он. – Могу только добавить, что если ты отыщешь названные мной вещи, тебя ждет поистине королевская награда!

Обещание было настолько двусмысленно, что даже тролль глухо рыкнул. Фродо и Эльнорда в упор уставились на раздающего королевские награды наглеца, а я, боясь себя выдать, вообще закрыл лицо рукой, сделав вид, что в задумчивости почесываю лоб. После секундной паузы я решительно заявил:

– Хорошо! Я берусь за решение поставленной задачи! Прямо сейчас я направляюсь в королевское книгохранилище! Вы же, почтенный правитель, – продолжил я, не обращая внимания на то, как перекосилась при этих словах физиономия Качея, – обеспечьте ремонт наших апартаментов...

Договорить мне не дал все тот же наглый карла Твист. Именно в этот момент он вихрем ворвался в столовую, на бегу размахивая короткими ручонками и вопя своим пронзительным фальцетом:

– Правитель! Все гостевые апартаменты в развалинах!.. Ни одной уцелевшей стены!.. Ни одного из тех прекрасных гобеленов, что украшали исчезнувшие стены!.. Прекрасное, уютное жилище превращено в общежитие!.. В казарму!.. В конюшню на четыре стойла!.. – Тут он с всхлипом набрал новую порцию воздуха и закончил душераздирающим воплем: – Бесследно пропали два ночных горшка и одна параша!!! Их надо обыскать!!! – И карлик ткнул в нашу сторону крошечным возмущенным пальчиком.

– Что обыскать? – с милой улыбочкой поинтересовалась Эльнорда. – Ночные горшки и парашу?

Рожа Качея скривилась, как от зубной боли, и, зажав ладонями уши, он гаркнул:

– Ступай к управляющему делами Замка! Пусть он наведет порядок в гостевых апартаментах! И прекрати свои вопли!!!

– Но, правитель! – не унимался распоясавшийся Твист. – Неужели тыпустишь этих подозрительных... злоумышленников, не обыскав их хотя бы?! Я уверен, что кто-то из них утащил королевский фаянс... И я даже знаю – кто именно!

При этих словах карлик метнул мстительный взгляд на Душегуба. Тот, сообразив, на кого намекает наглый карла, вдруг страшно ухмыльнулся и невнятно прорычал:

– Ты прав, карлик! Я действительно имею привычку перед жаркой замачивать карликов в употребленном ночном горшке... Чтобы отбить специфический запах карличьего мяса!..

И Душегуб оглушительно цыкнул зубом.

Твист мгновенно отпрыгнул почти к самым дверям столовой, но было не совсем понятно, что именно заставило ретироваться с такой поспешностью – то ли жуткое цыканье тролля, то ли оглушительный вопль Качея:

– Пошел вон!!!

Во всяком случае, второй прыжок малыша скрыл его от присутствующих в столовой. Лишь топот коротких ножек давал понять, что маленький негодяй помчался выполнять распоряжение своего хозяина.

А тот повернулся к нашей компании и произнес значительно спокойнее:

– Значит, высокоученый Гэндальф Серый Конец отправляется в книгохранилище, а вашей прекрасной даме я предлагаю осмотреть королевскую сокровищницу. Вы, конечно же, можете сопровождать госпожу Эльнорду, – повернулся он в сторону Фродо и Душегуба.

И он сделал знак одному из гвардейцев. Когда тот приблизился, правитель отдал короткий приказ:

– Проводишь моего гостя в книгохранилище и передашь Твердобе, чтобы он показал уважаемому магистру все требуемые книги и записи...

Гвардеец коротко кивнул и перевел взгляд на меня, давая понять, что он готов выполнять полученный приказ. Я встал и направился следом за своим провожатым, но в дверях обернулся и поманил к себе Фродо. Хоббит быстренько подошел ко мне, и я, наклонившись к самому его уху, коротко шепнул:

– Будешь смотреть сокровищницу, обрати внимание, нет ли там вещей, о которых говорил правитель...

Фродо недоуменно уставил на меня свои глазенки, но буквально через секунду в них мелькнуло понимание, и он коротко кивнул. Я бросился догонять ушедшего вперед проводника.

Глава шестая

*Любите книгу – источник знаний! Нет!
Вы ее любите! Это значит – поглаживайте
ладонями ее переплет, аккуратно
переворачивайте страницы, ласково с ней
говорите, не торопясь, со вниманием читайте!
Вот тогда, может быть, и знания получите!*

Гвардеец, оказавшись в коридоре, застланном понравившимся мне ковром, не дошел до замечательной мраморной лестницы, а толкнул малоприметную дверку в правой стене, и мы вышли на простую каменную лестницу, огороженную самыми обычными металлическими перилами. Спустившись по ней и миновав самую обычную дверь, мы оказались во внутреннем дворе Замка. Мой провожатый широким военным шагом пересек замощенный камнем двор и остановился у дверей небольшого двухэтажного флигеля, притулившегося у самой замковой стены. Оглянувшись назад, чтобы убедиться, что я стою рядом, он поднял закованный в железо кулак и грохнул им в тяжелую, обитую железными полосами дверь.

Через пару секунд в середине двери приоткрылось маленькое окошечко, и из него донесся негромкий недовольный голос:

– Чего надо?

– Правитель приказал ознакомить своего гостя с королевской библиотекой! – гаркнул военный человек в приоткрытое окно.

– Да? А правитель не желает, чтобы я всю библиотеку сжег? – донесся изнутри сардонический вопрос. – С какой это стати я буду знакомить с королевским книгохранилищем какого-то правителя гостя?! Тем более его гости и читать-то не умеют, а каждый норовит книжку стянуть!..

Похоже, говоривший постепенно заводил сам себя, так как его совсем недавно спокойный голос постепенно наливался язвительным сарказмом. Я решил взять инициативу в свои руки. Кивнув гвардейцу и коротко пробормотав:

– Свободен, – я проводил взглядом его удаляющуюся фигуру и повернулся к открытому окошечку:

– Я, собственно говоря, беспокою тебя, уважаемый Твердоба, по рекомендации королевы Кины...

За дверью мгновенно наступила полная тишина, а потом в окошечко медленно выглянула круглая, толстощекая, румяная физиономия, совершенно не подходящая хранителю библиотеки. «С такой рожей за скотиной в деревне ходить, а не книги нянчить!..» – мелькнуло у меня в голове. А два ясных, круглых, светло-голубых глаза между тем пристально меня рассматривали. Наконец хранитель произнес:

– Ты кто такой?

– Мое имя тебе вряд ли что-то скажет, но если ты настаиваешь, я назовусь. Здесь меня называют Гэндалф Серый Конец...

– А!.. – перебил меня Твердоба. – Тот самый предводитель Братства Конца?! Как же, насышан!.. Ну и когда же наша бедная королева успела порекомендовать тебе обратиться к своему хранителю библиотеки?..

– Да сегодня ночью...

Голубые глаза стали абсолютно круглыми, как у внезапно проснувшейся совы, а через мгновение щекастая физиономия исчезла из окошка. Зато за дверью раздалось активное ворочанье, и очень скоро она распахнулась.

За ней стоял среднего роста толстячок, который, нервно оглядев пустой двор, коротко приказал:

– Заходи!..

И я быстро шагнул внутрь, а толстяк сразу захлопнул за мной дверь и прижался к ней широкой спиной. Не давая мне опомниться от этого мгновенно проведенного маневра, он первым задал вопрос:

– Где и когда ты видел королеву?!

– Ну, собственно говоря, я ее не видел... Вернее, видел не совсем ее... – начал я тянуть время, лихорадочно соображая, насколько я могу довериться незнакомому толстяку, в пользу которого, правда, высказался призрак королевы.

– Ты давай не юли! – резко перебил он меня. – Говори, где и когда ты разговаривал с королевой?!

«Эх! – махнул я про себя рукой. – Была не была!»

– Сегодня ночью, когда мы находились в гостевых апартаментах, призрак королевы Кины подарил нам довольно длительную беседу! – довольно вычурно заявил я.

Лицо толстяка сморщилось, словно вместо компота он проглотил стакан уксуса.

– Я-то надеялся, что ты действительно видел мою королеву! – разочарованно пояснил он свою гримасу.

– Видеть ее вживую сейчас вряд ли возможно... – также не скрывая разочарования, ответил я ему и коротко рассказал, что сделали с королевой два негодяя.

– И для того, чтобы помочь королеве вернуться, мне нужна твоя помощь! – закончил я свой рассказ.

Твердоба по-прежнему стоял, прислонившись спиной к входной двери, и о чем-то напряженно думал. Однако по его слегка расслабившейся фигуре я понял, что он готов мне поверить. Наконец он поднял голову и в упор посмотрел на меня.

– Так какая же помощь нужна?

– Я не знаю... – честно признался я. – Понимаешь, мне необходимо найти похищенное тело королевы, доставить его в Замок и заставить Качея и Епископа присутствовать при совершении ритуала возвращения души. Что именно для этого может понадобиться, сейчас не скажет никто, но я был бы рад любой помощи! Совету, оружию, заклинанию, да чему угодно! Конечно, мои спутники многого стоят, но...

Я замолчал и выжидательно посмотрел на толстяка. Он почесал косматую голову, а потом неуверенно пробормотал:

– Может, мне с тобой отправиться?..

– Не думаю, что это необходимо, – улыбнулся я. И тут его лицо прояснилось.

Он оторвался наконец от двери, коротко бросил:

– Пошли! – и, обогнув меня, быстро направился в глубь своего особняка. Я двинулся за ним следом.

Через минуту мы оказались в большом зале, занимавшем, как я понял, почти весь первый этаж здания. Зал был заставлен хорошо мне знакомыми книжными стеллажами, на которых довольно просторно расположились переплетенные книги, бумажные и пергаментные свитки, нанизанные на длинные, прочные шнуры глиняные таблички, напоминавшие снизки небольших кирпичей. Кроме того, на тех же стеллажах располагались пучки ярких птичьих перьев, горки разноцветных ракушек, коробочки с каким-то мелким сором и другая дребедень того же рода.

Кивком указав мне на небольшое кресло, прислоненное к стене, Твердоба скрылся между стеллажей, и скоро оттуда донеслось его недовольное ворчание:

– И куда же это она опять запропастилась?.. Ведь я точно помню, что укладывал ее на четвертую полку двенадцатого стеллажа, а вот поди ж ты!.. Опять, наверное, пошла по

знакомым!.. Ну не стоит ей на своем месте, обязательно надо по соседям шастать!.. И о чем только болтают?!

Это странное бормотание длилось довольно долго, перемещаясь по всему залу без какой-либо определенной цели, и завершилось совершенно неожиданно громким возгласом:

– Так вот ты куда затесалась!

Толстяк вынырнул из-за стеллажей и направился к небольшой конторке, притулившейся в углу, около входной двери, аккуратно неся в ладонях небольшой томик в темном, слегка потертом переплете. Я вскочил со своего креслица и последовал за ним. Твердоба уложил томик на наклонную столешницу конторки и ласково погладил переплет. А затем неторопливо, я даже сказал бы, торжественно, откинул крышку переплета.

Титульный лист книжечки был... пуст! То есть абсолютно пуст! На нем не было ни малейшего намека на текст! Твердоба чуть задрожавшими пальцами перелистнул сразу несколько листов, и нашим взорам открылся девственно чистый разворот.

Я с некоторым удивлением взглянул на хранителя.

Его толстощекая физиономия побледнела, губы крепко сжались, а брови сурово сошлись над переносицей. Весь его вид показывал крайнюю степень возмущения. Он оторвал ладони от книги и упер руки в бока, а затем сурово произнес:

– Это что это ты себе позволяешь?! Ты как себя ведешь?! А ну-ка немедленно верни на место то, что в тебе написано!..

От неожиданности я едва не сел на пол! Твердоба на полном серьезе делал выговор лежавшей на конторке книженции.

– Я кому сказал!.. – продолжал между тем ругаться хранитель библиотеки. – Или ты хочешь в нижний запасник месяца на три отправиться?

Последняя угроза подействовала на книгу самым удивительным образом. На ее чистых страницах стремительно проступили... китайские иероглифы! Впрочем, может быть, это были иероглифы японские, я, признаться, слабо разбираюсь в нюансах написания и тех и других. Но только после появления этого текста физиономия Твердобы из бледной и рассерженной стала красной и обиженной. Он повернулся ко мне и буквально со слезами на глазах завопил:

– Ну ты посмотри, до какой степени они распустились!.. Ты глянь, что эта дрянь себе позволяет, а?..

Затем, переведя возмущенный взор на книжицу, он заорал:

– Что, очень умная стала?! Ну так я из тебя дурь-то выбью!.. Я тебя научу дисциплине и послушанию!.. Ты у меня надолго запомнишь эти свои фокусы!..

Я тронул за рукав разошедшегося хранителя и негромко спросил:

– Слушай, дорогой мой, а в чем, собственно, дело?

Он повернулся ко мне и несколько секунд пытался сообразить, зачем я отвлекаю его от воспитательной деятельности. Наконец до него дошла суть моего вопроса, и он довольно спокойно объяснил:

– Да, понимаешь, это королевская антология наговоров, заговоров и заклинаний. Называется она «Краткий письмовник чародея, или Ни дня без колдовства». Она бы тебе весьма пригодилась, поскольку содержит очень короткие заклинания, наговоры, ну и тому подобные штуки буквально на все случаи жизни... Но ты видишь, что эта пакостница удумала! – Он снова повернулся к конторке. – Ты глянь, что она показывает!.. Ведь знает, маленькая негодница, что по-китокски сейчас уже никто не читает!

– А что, она может и другим шрифтом написанное показать? – несколько растерянно спросил я.

– Конечно! – завопил хранитель. – А вместо того чтобы работать, как полагается добропорядочной книге, она шуточки удумала шутить!

Я понял, что Твердоба готов разразиться новыми проклятиями и угрозами, поэтому спокойно, но твердо взял его за локоть и негромко сказал:

– Позволь мне самому поговорить с этой замечательной книжечкой...

Хранитель рассерженно посмотрел на меня, недовольно пробурчал:

– Ну, поговори... – и отошел от конторки.

Я занял его место, бережно закрыл книжечку и погладил потертый переплет. Потом, собравшись с мыслями, я негромко обратился к шутнице:

– Ты, конечно, очень остроумна, но теперь попытайся взять серьезный тон и внимательно меня послушай. Жила на свете очень молодая и очень красивая девушка. Когда эта девушка выросла, она стала королевой. С детства ее окружали внимание и любовь, забота и ласка. Она никогда не сталкивалась с завистью и коварством, ложью и предательством, а уж о том, что они свили гнездо возле ее трона, она и подумать не могла. И тем не менее именно это произошло. Двое негодяев, втершись к ней в доверие, разлучили ее тело и ее душу и теперь пытаются поделить доставшуюся им страну. А душа этой девушки бродит призраком по Замку, даже не зная, куда увезли ее тело.

Я хочу попытаться спасти эту девушку и наказать тех двух негодяев. У меня есть сильные и верные друзья, но нет мудрого, знающего помощника, товарища, который в нужный момент даст верный совет. Подумай, может быть, ты сможешь стать для меня таким товарищем?..

Произнося этот длинный и довольно напыщенный монолог, я поначалу чувствовал себя довольно глупо. Мне на ум почему-то пришел пушкинский Лепорелло с его: «Прекрасная, преславная статуя!»

Но постепенно я увлекся, и в конце концов мое заключительное предложение прозвучало от чистого сердца. Поэтому, подождав минуты две-три, я с некоторым трепетом перевернул крышку переплета. На титульном листе четким шрифтом, нашей родной кириллицей было выведено «Краткий письмовник чародея, или Ни дня без колдовства».

Я перевернул титул и прочитал на следующей странице: «Глава первая. Вводная». У моего левого плеча тихонько засопел Твердоба, а потом, уразумев, что от конторки меня теперь не оторвать, отошел на цыпочках в сторону. А я погрузился в самое интересное чтение, какое когда-либо попадалось мне в этой жизни.

Вводная глава была достаточно короткой. В ней говорилось:

«Магия есть способность человека повелевать природными стихиями с помощью Слова и Жеста либо с помощью предметов, в которые вложены Слово и Жест и которые возбуждаются Словом и Жестом. Мощь магии зависит от величины Дара чародея и используемого источника. Магия имеет три источника.

Первый из них – Знание. Магия Знания постигается усердием и прилежанием, но имеет самое слабое проявление и дает самый слабый результат. Магия Знания не требует от чародея Высокого Дара.

Второй – Ненависть. Магия Ненависти постигается умом, имеет мощное проявление и способна снести любые преграды, кроме одной. Магия ненависти требует от чародея Высокого Дара и не требует Исключительного Дара.

Третий – Любовь. Магия Любви постигается сердцем (душой), имеет сокрушительное проявление и способна снести любые преграды. Магия Любви требует от чародея Исключительного Дара.

Магия имеет три сферы применения и три пути развития...»

Я, не отрывая взгляда от чистеньких страниц, листал Книгу. Толстый томик, разделенный на семь глав, содержал около сотни различных заклинаний, наговоров, приворотов и тому подобных магических наборов слов. Большинство из них представляло собой небольшие, легко запоминающиеся стишки, похожие на детские считалочки, пересыпанные непо-

нятными, лишенными смысла словечками, над которыми обязательно указывались ударения. Под многими из этих стишков стояли подробные пояснения, как их надо читать или напевать, какими жестами, или по-другому – пассами, их необходимо сопровождать.

В общем, просидев над книгой до самого обеда, я понял, что, несмотря на всевозможные подробнейшие объяснения, львиная доля успеха в деле каждодневного колдовства зависела от таланта чародея или, как это было обозначено в книге, от величины и направленности его Дара. В некоторых случаях прямо говорилось, что при наличии в Даре чародея четко выраженной истомной составляющей произносить можно только первые два или три слова заклинания. Правда, я совершенно не представлял себе, что такое «истомная составляющая» и какого рода Дар у меня имеется (если он имеется вообще!).

Но самое обидное состояло в том, что в книжке по-прежнему оставалась масса пустых или заполненных совершенно незнакомым мне шрифтом страниц. Интуитивно я понимал, что они также несут какой-то важнейший смысл, какую-то ценнейшую информацию, но для меня эта информация была закрыта. Это очень раздражало, казалось, что именно на этих чистых листах или за этими непонятными письменами лежит то самое главное, без чего мне никогда не стать настоящим магом, но что я мог сделать. На этот раз книжка не шутила и не глумилась надо мной, она прятала что-то, до чего я, по-видимому, еще не дорос. А может быть, Книга боялась открывать мне все свое содержание, оставляя самое важное, самое сложное на «потом», на то время, когда поближе и получше меня узнает.

Когда у меня в голове гаечки стали соскакивать с винтиков, а крупный книжный текст начал двоиться и расползаться перед глазами, меня тронул за рукав неслышно подошедший Твердоба.

– Гэндальф, там за тобой пришли... Правитель обедать приглашает... – А затем, посмотрев на мою измученную и слегка растерянную физиономию, добавил: – Придется, видно, тебе книжку-то с собой брать...

– Да разве ты выпустишь ее из хранилища?! – удивленно воскликнул я.

Он неловко покашлял, обреченно пожал плечами и со вздохом ответил:

– А что делать?.. Ты ж не сможешь за день всю ее наизусть выучить, да еще с примечаниями. Получается, что тебе ее надо будет под рукой иметь... – Он огорченно покрутил головой. – Эх, чего не сделаешь ради этой безрассудной девчонки!

Я даже не сразу понял, что он говорит о королеве Кине. А когда до меня сей факт дошел, я немедленно согласился с его истинностью: «Действительно, ради этой девчонки можно сделать все что угодно!»

Хранитель между тем выудил из кармана своих штанов большой белый лоскут очень плотной ткани, аккуратно завернул в него книгу и протянул сверток мне.

– Найдешь, куда припрятать?.. А правителю не говори, что я тебе книгу дал... – И, увидев мой вопросительный взгляд, добавил: – Не любят его книги-то... Он раза три зашел в хранилище, так они либо прячутся, либо в каких-то старых грязных оборачиваются. Прямо не книгохранилище получается, а склад утильсырья.

Его губы тронула довольная усмешка.

Я спрятал неожиданный подарок во внутренний карман своего серого балахона, благо карманов этих мне моя портниха нашла достаточно. Твердоба, придирчиво проверив, не выдает ли сверток себя при моей ходьбе, сидении и стоянии, проводил меня до двери. Там он, хитро мне подмигнув, принялся громко ругаться:

– Ну и гость у нашего правителя пошел!.. Половины букв из алфавита не знает, а туда же... «Покажи мне самые волшебные книги... Да что это они такие грязные... Да что это картинок в книжках совсем нет... Да что это все время значки непонятные попадают...» Катись отсюда, знаток недоделанный... Еще магом себя называет...

Погромыхав засовом, он распахнул дверь и заорал, краснея толстощекой мордой:

– Мотай отсюда! И больше никогда не появляйся!

Я выскочил во двор чуть ли не в объятия уже знакомого гвардейца.

Тот стоял с совершенно невозмутимым видом, словно ругань хранителя была ему далеко не в новинку. Когда дверь за моей спиной захлопнулась, гвардеец молча повернулся и, нисколько не интересуясь результатами моего пребывания в библиотеке, пошагал в сторону главного здания Замка. Я потащился за ним.

Он привел меня в ту же самую столовую, которую я покинул утром. Все члены моего Братства были уже на месте, но теперь они восседали за большим центральным столом, во главе которого располагался сам правитель.

Кроме них за столом сидели воевода левой руки Шалай, двое незнакомых мне стариков в богатой одежде и наш хороший знакомец Твист, которого я ну никак не ожидал увидеть за государственной трапезой.

Место справа от правителя было свободно, и, увидев, что я вошел в зал, Качей помахивал меня к себе. Его противная узколобая харя буквально светилась довольной улыбкой. Я в противоположность ему изобразил на своей физиономии крайнюю озабоченность и, двинувшись в направлении предложенного места, злорадно подумал: «Щас я тебе настроение испорчу, сморчок соленый!»

Увидев мою постную мину, правитель тоже слегка поблек. Как только я уселся на свободное место, он обратился ко мне:

– По твоему виду, Гэндальф, можно подумать, что в книгохранилище тебя поджидала большая неудача...

– Нет, дорогой хозяин, – в тон ему возразил я. – В книгохранилище неудача поджидала тебя!

– Как это? – не понял Качей.

– Я ж для тебя старался, а раз у меня мало что получилось, значит, это твоя неудача... – Я пожал плечами и принялся накладывать в свою тарелку из большой общей миски понравившийся мне салат.

– Так что, ничего узнать не удалось? – несколько встревоженно поинтересовался Качей.

Я тщательно прожевал первую ложку довольно вкусной закуски, ласково погладил спрятанную под балахоном книжку и только после этого удостоил правителя ответом:

– Вообще-то я плохо понимаю, зачем в одном месте собрали столько макулатуры. Прямо не библиотека, а какая-то контора вторсырья!

– Чего собрали? – не понял Качей.

Все наше Братство перестало жевать и с удивлением уставилось на индивидуума, который не знал, что такое макулатура. Под нашим удивленно-просвещенным взглядом Качей уже через секунду почувствовал себя несколько неуютно. Я дал ему возможность осознать собственную необразованность и только после этого снисходительно пояснил:

– Макулатура – это старая, грязная, никому не нужная бумага... Именно такой бумагой наполнена до краев твоя библиотека...

Уловив в его глазах понимание – он-то, по словам Твердобы, частенько лицезрел эту макулатуру на книжных полках, я добавил:

– Впрочем, среди прочего барахла имеется несколько любопытных экземпляров. Я, может быть, был бы не прочь познакомиться с ними поближе, но твой хранитель... Твердолоб, кажется... – я намеренно переврал имя библиотекаря, – удивительно тупой субъект. Мы с ним совершенно не сходимся в оценках умственного уровня друг друга...

– Мы с ним в этом вопросе тоже не сходимся, – удовлетворенно заметил правитель.

– Вот как?! – слегка удивился я. – И что же тебе мешает отправить его на пенсию?

– Я бы его давно отправил... туда, куда ты сказал, – неожиданно зло осерил Качей гниловатые зубы. – Да только он поставлен на место смотрителя библиотеки еще Кином

Ясным, прадедом моей дорогой погибшей королевы. Так что на... эту, которую ты назвал... у нас, правда, ее называют эшафотом, его может отправить только король. И поверь мне, не знаю уж как там у вас в вашем Братстве, а в нашем королевстве палач очень квалифицированный...

– Ну-ну... – неожиданно пробормотал Фродо, покачав своей шерстяной головой.

– Да с чего ты взял, что ваша королева погибла? – резко перевел я разговор на другую тему.

– А разве она жива? – враз насторожившись, поинтересовался Качей. – Если ты что-то выяснил, ты должен мне обязательно это рассказать!

– Конечно, расскажу, – пообещал я, заканчивая с закуской и делая знак стоявшему не遠деке Шорму, чтобы мне налили похлебки.

– Он расскажет! – пообещала Эльнорда, оторвавшись от своей тарелки.

– Он не утаит! – присовокупил маленький хоббит собственное обещание.

Правитель нервным движением положил на стол свою роскошную, украшенную ярким синим камнем вилку и с плохо скрываемым нетерпением стал ждать, когда же я попробую налитой мне похлебки и продолжу свое сообщение.

Я смачно прихлебнул из ложки, пожевал, оценивая вкус, удовлетворенно кивнул и принялся рассказывать свою версию исчезновения королевы, совмещая свой рассказ с неторопливым поглощением обеда:

– Так вот! Несмотря на активное противодействие твоего хранителя, Твердолоба...

– Твердобы... – непроизвольно поправил меня Качей.

Я строго посмотрел на него и предупредил:

– Ты меня не перебивай!.. Ты же понял, о ком я говорю?

Он утвердительно кивнул, и я продолжил:

– Так вот! Несмотря на твоего... библиотекаря, мне удалось просмотреть кое-какие книги и припомнить некоторые, довольно давно вышедшие из повседневного употребления, заклинания. Так что сейчас я могу твердо сказать, что королева Кина Золотая еще не прибыла в Царство мертвых, хотя и находится на пути к нему.

– И что? Ее можно... Ну, как-то вернуть с этого пути?! – не вытерпел Качей.

Я уверенно улыбнулся:

– Конечно! Только для этого надо постараться... И твоя помощь будет нелишней... – Я требовательно на него взглянул.

Маленькие глазки Качея быстро бежали присутствующих за столом. И Шалай и оба старика внимательно прислушивались к тому, что я говорил, и сейчас не сводили глаз с правителя, ожидая, что он мне ответит. Тот зябко повел плечами и, кривовато улыбнувшись, пробормотал:

– Я, конечно, постараюсь сделать все необходимое...

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.